

18+

Андрей Ставров
Вракли-5

(Пятьдесят лет в строю)

Андрей Ставров Вракли-5. (Пятьдесят лет в строю)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100731
ISBN 9785449890924*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Если в предыдущих книжках я в большей степени описывал истории, которые происходили с моими знакомыми, друзьями и приятелями, то в этой добавил кое-что касающееся меня. Что именно, догадайтесь сами. Илл. на обложке: Питер Брейгель Старший (1525—1569). Две обезьяны (Скованные одной цепью). 1562. Берлин, картинная галерея. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Свадебное путешествие	6
Часть первая: До августа 91	6
Часть вторая: После августа 91	16
Часть третья.	29
Своообббодддаааа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!	
Автомобиль не роскошь	49
Чур меня, чур...	84
Мечта, чтоб её... или Рай – туда и обратно	99
Пара слов в качестве преамбулы	100
Формирование мечты	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Вракли-5

(Пятьдесят лет в строю)

Андрей Ставров

Редактор Ю. И. Будько

Корректор Н. Н. Жилко

© Андрей Ставров, 2020

ISBN 978-5-4498-9092-4 (т. 5)

ISBN 978-5-4496-1317-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1970-2020

Посвящается уникальному событию в нашей семейной жизни. Пятьдесят лет тому назад я проямлил «Да!» даме в ЗАГСе, где моя будущая жена спасала меня от военной службы, вступая в фиктивный брак.

Врать – означает приукрашивать истину в целях её более художественного отображения.

Свадебное путешествие

Отсутствие свадьбы и фиктивный брак – гарантии долгой и счастливой семейной жизни.

Из личного опыта.

Часть первая: До августа 91

Склонность к путешествиям у меня проявилась довольно рано. Видимо вследствие некоторого избытка романтичности. Которая с возрастом не только не улетучилась, но окрепла и усилилась. И я, слегка стыдясь, говорю иногда словами любимого героя из «Трех товарищей», что я последний романтик по крайней мере, в той среде, в которой обитаю уже хрен знает сколько лет. Хотя в отличие от Готфрида Ленца мой романтизм носит дополнительный мистический оттенок. Поэтому одни из самых любимых художников Каспар Давид Фридрих, Мориц фон Швиндт и другие назарейцы. Официально, или точнее фактически, моя жизнь путешественника началась в восьмом классе, когда мудрая мама затащила меня в секцию Юных туристов. Дело было по весне и на еженедельных занятиях мы изучали такие вкусные вещи, как ориентироваться в лесу и на местности, как раз-

водить костёр, как ставить палатку, как... В общем, многое как. И вскоре после начала летних каникул наша группа отправилась в настоящий поход по глухому району большого заповедника. Тогда режим заповедника был не такой строгий, как в нынешние времена, и организованным группам было разрешено двигаться по определенным маршрутам. Ночевки же устраивались в специально отведенных местах. Таких групп было совсем мало и места, по которым проходил наш маршрут, выглядели реально дикими. Поход продолжался почти две недели и произвёл на меня неизгладимое впечатление. Ночёвки в палатке, дежурство у костра, приготовление пищи, которая была обворожительно вкусна, дивные пейзажи, переправы через речушки и болота, и прочие туристские радости крепко запали мне в душу. Потом было ещё пара походов. Однако я вдруг понял, что походы это здорово, а вот ходить в них с компанией мне разонравилось. Спортивная составляющая меня откровенно раздражала. Нужно было успевать выходить в определённые места в заданное время. Останавливаться ночевать там, где это было целесообразно, а не там, где красиво и удобно. Постоянный контроль, спешка, режим и прочее. Все это вступало в противоречие с моей романтической душой. И начиная с девятого класса, я стал шататься по окрестностям один. Палатка, спальник, кое-что из посуды, немного харчей и почти каждые выходные я рвался в леса и поля. Не важно какая погода. Ну, может быть тормозил, если проливной дождь.

И не только летом, но и в любой сезон. Особенно я любил зиму. Я называл такие вылазки «поспать на воле». Как правило, в субботу во второй половине дня на электричке я доезжал до какой-нибудь станции и дальше шёл куда глаза глядят, ориентируясь по сомнительной карте-схеме. В сумерках я старался найти место для ночёвки в самой чаще леса. Разводил костёр, ставил палатку и... Внизу тихо, лишь лёгкий шёпот ветра в верхушках деревьев, что-то скрипит, потрескивает, пламя освещает полянку и свет достаёт лишь до ближайших зарослей, пляшут тени по заснеженным ветвям, в котелке что-то вкусно булькает, а я лежу рядом с костром на еловом лапнике с сигареткой и думаю не о чём... Потом хлебаю варево, потом долго пью чай из алюминиевой кружки вприкуску с колотым рафинадом. Чай с дымком, с этим сахаром, ломтём черного хлеба и сигаретой – ничего вкуснее не пробовал! Костёр догорает, я залезаю в палатку, в тёплый на гагажьем меху спальник и засыпаю почти мгновенно. Утром морозно, вылезать из тепла ой как неохота, но вылезая и выскакиваю из палатки. Боже, какое утро! Организм поёт, душа ликует, воздух такой, что его не дышать надо, а отрезать по ломтику и долго смаковать, перекачивая его словно конфетку между щеками... Опять костёр, завтрак, долгое чаепитие и к обеду я уже дома, в городе.

В студенческую пору я нашёл двух единомышленников и мы так проводили выходные. А в майские праздники или ноябрьские разбегались по республике в разные стороны, чтобы по возвращению обменяться маршрутами, куда уже позже ходили поодиночке. Потом меня подобрали. В смысле я женился. Удачно. По крайней мере для меня. Что по этому поводу думает моя жена, я не знаю и спрашивать не рискую. Но судя по тому, что дело движется к золотой свадьбе, она вряд ли придерживается иного мнения. Историю о том, как мы поженились, я описывал не раз и не буду повторяться. Но наш фиктивный брак и отсутствие свадьбы никак не сказались на нашей долгой и счастливой совместной жизни. Мо-

жет так и надо?! Кроме всех прочих достоинств моя жена имела одно наиважнейшее – она разделяла мои пристрастия почти во всём и, главное, в страсти путешествовать. И началось...

– Во-первых, заявила моя умная жена, – нам надо спланировать наши путешествия. Итак, пока у нас есть силы мы будем путешествовать по самым диким и удалённым местам. Ночевать в палатке или в любых даже совсем не приспособленных местах, добираться до нужных мест поездами, где третья полка в общем вагоне это счастье, автобусами, попутным транспортом, типа грузовиков, тракторов, мотоциклов и прочего дизельно-бензинового многообразия, летать самолетами в крайнем случае, если поезда туда не ходят, питаться чем бог пошлёт. Этот первый период лет так до пятидесяти. Начиная же с указанного возраста пора забыть о палатках и общих вагонах.

– Надеюсь, продолжила жена, – что к этому времени мы сможем обеспечить такое материальное благополучие, что даст нам возможность если поезд, то СВ или, по крайней мере, купе, а лучше самолёт, а еще лучше самолёт и свой автомобиль в придачу. И не по диким степям Забайкалья и прочим Сибилям, а направиться по городам Прибалтики, по Золотому Кольцу, по Ташкентам, Бухарам, Баку, по Волге Москва-Астрахань-Москва и т. д. Иначе говоря, из диких путешественников плавно трансформироваться в благополучных путешествующих буржуа. Конечно, было бы хорошо

к этому моменту и замахнуться на границу, но тут, ясный перец, с твоим допуском и нашей общей КПСС нам не светит.

Во-вторых, никто не отменяет майские и ноябрьские праздники, длительность которых мы, как все опытные советские люди, легко можем увеличить вплоть до полноценного двухнедельного отпуска за счёт честно или почти честно заработанных отгулов, бюллетеней, опять честно или почти честно полученных через друзей-приятелей из медицинской сферы. Так что байдарка, палатка и прочее снаряжение должны быть под рукой. Плюс, конечно, выходные. От чего же не провести пару ночёвок на природе.

План был принят и утвержден, а рождение сына через несколько лет после начала нашей совместной жизни никак на это не повлияло. Более того, сын оказался энтузиастом нашего движения и принимал участие во всех путешествиях практически с младенчества. Правда в настоящие дикие места мы стали его брать несколько позже, аккурат с первого класса школы. Дальний Восток и Карпаты, Средняя Азия и Восточная Сибирь – где мы только не побывали. Чтобы обеспечить эти путешествия я сначала в стройотрядах, потом на шабашках зарабатывал деньги, большая часть которых шла на поездки, а остаток честно мы тратили на обычное жизнеобеспечение. Потом мы прикипели к одному единственному месту в Юго-Восточной Сибири, где проводили летний отпуск в совершенно диких условиях, питаюсь только тем, что добывали сами, живя в охотничьих избушках, разбросанных на двух сотнях километрах вдоль могучей реки, где кроме нескольких скитов жилья человеческого не было, а обитатели скитов были скорее гармоничной частью той прекрасной природы нежели представителями рода человеческого. На обратном пути домой мы заруливали к друзьям то в Среднюю Азию, то на Кавказ или Крым, чтобы поплавать в море, поваляться на солнышке и поесть настоящих фруктов. И хотя к тому времени наше материальное положение легко обеспечило бы выполнение второй части плана, а возраст уже приближался к установленному пределу, менять нам ничего не хотелось. Причин такому постоянству

было столько, что одно их перечисление и толкование заняло бы не одну страницу. Поэтому скажу просто – нам нравилось, а благодаря поездкам мы разнообразили наш оскудевающий быт.

Брак – союз двух людей для совместного преодоления проблем, которых у них не было, не будь этого слова.

Всеобщий дефицит в стране в начале девяностых был с одной стороны общим, но с другой – носил частный характер. То, что было, например, жутким дефицитом у нас дома, забивало полки в магазинах в качестве единственного товара, скажем, в Абакане. Поэтому шаря по всем попадающимся по дороге магазинам, мы отправляли домой посылку за посылкой со всем тем, что попадалось под руки. Помню вообще уникальный случай. Известно, что пиво без воблы это выброшенные деньги и испорченный праздник. Так вот, в городе Кызыле в продовольственном магазине кроме гречневой крупы, продаваемой диабетикам по справке из поликлиники, была дивная вяленая настоящая ВОБЛА. Восемь килограммов (максимально допустимый вес отправления) её зашитой в мешок мы отправили из ближайшего почтового отделения, приведя в изумление продавцов магазина и почтарей. Два месяца блаженства с ежевечерней бутылкой Жигулевского и одной рыбиной на двоих, чтоб хватило надолго...

Всё шло как по маслу, но тут случилось. А именно – август девяносто первого. Кстати застиг он нас в автобусе Бухара-Самарканд, куда мы возвращались после путешествия по Фанским горам. Еще пару-тройку лет мы по инерции продолжали наши путешествия, но вскоре стало ясно – это конец. Во-первых, рухнул великий и могучий Союз. Республики стали ужас как независимыми со всеми атрибутами независимости. Причём некоторые из них типа Прибалтики стали совсем как настоящая заграница с визами, пограничным и таможенным контролем. Во-вторых, стали отменяться местные авиалинии, перестали плавать теплоходы и до наших любимых мест стало добираться не за день-два, а за неделю и больше. Гробить же пол-отпуска на дорогу смысла не имело. Кроме этого в тех местах, да и не только там стали появляться лихие людишки, встречи которыми не сулили ничего хорошего. В-третьих, оказалось, что стоимость билета на самолет, например, до Красноярска в одну сторону была больше, чем до Парижа и обратно. Тут и возраст уже совсем близко подобрался к тому, что был в планах на смену курса. Но... Зарплата оставляла желать лучшую. И хотя мы не только не бедствовали, но можно сказать, что почти процветали на фоне окружающего нас большинства, на реальные путешествия денежек было маловато. Что делать летом, да ещё целых два месяца, стало проблемой. Но тут с неба слетел очередной ангел на этот раз в виде нашего друга Саши, который лицом был схож с закоренелым уго-

ловником, но с сердцем ангела и душой матери Терезы. Он принёс нам благую весть о том, что другой приятель решил продать нам свой дачный участок, что в том же товариществе и на той же улице, где стоит Сашкин дом. Мы, заклятые враги дачного движения, неожиданно согласились, что в конечном итоге это оказалось одним из наилучших и счастливейших решений за всю нашу совместную жизнь. Мы не только перековались, но стали фанатиками дачного движения, в этом состоянии пребываем до сих пор и в этом же состоянии уйдем в мир иной. Надеюсь нескоро и в один день! Писать о том, что такое дача для нас, не буду, так как уже описал в истории под названием «Есть ли жизнь на даче?». Итак, проблема летнего, и не только летнего времяпровождения была решена, но душа требовала большего.

Часть вторая: После августа 91

Тут надо отметить, что невзирая на мой допуск и наличие КПСС с прочими организациями, заграница нам таки улыбнулась. Ну не совсем уж настоящая, но Чехословакия выглядела, как я сейчас понимаю, очень похожей на настоящую. Особенно, если учесть, что после событий 1968 года СССР испытывал что-то вроде уколов совести. Которые пытался заглушить особой поддержкой экономики Чехословакии с тем, чтобы сгладить в памяти граждан печальные события с одной стороны, а с другой, пустить пыль в глаза многочисленным туристам как с востока, так и с запада. При этом попали мы туда не как обычные совтуристы, а по приглашению маминых коллег. Не буду подробно описывать, что значит волшебное словосочетание «за границу по приглашению». Ведь в эту самую вожделенную заграницу попасть обычному гражданину можно было в составе тургруппы в сопровождении представителя известной организации или, как их тогда шёпотом называли искусствоведами в штатском. С одной стороны, какие проблемы у совтуриста? Везут куда надо, кормят, чем положено, показывают, что разрешено. Никаких забот. С другой, правда, валюты меняли всего ничего, особенно в страны вне нашего соцлагеря. Совтуристы исподлялись и везли лёгкую контрабанду в виде водки, матрёшек, чёрной икры и прочих нехитрых «сувени-

ров» пользующихся спросом у иностранцев. Власти смотрели на это сквозь пальцы и ловили только уже сильно нахальных. Мы же могли обменять астрономическую даже по нынешним временам сумму. Это раз. Далее, мы были совершенно свободны в перемещении по стране. Это два. Наши знакомые поили и кормили, возили нас по недоступным для обычного совтуриста местам, обеспечивали так называемыми бонами – теми же кронами, но дающими право отовариваться в специальных магазинах «Тузекс» аналоге известной в наших краях «Берёзки». Денег у нас было достаточно не только для того, чтобы путешествовать по стране, питаться в ресторанах, посещать музеи и т.д., но и покупать такое, что в нашей стране в условиях всеобщего дефицита добывалось по зверским ценам на разных «толкучках». Например, на известнейшей в Вильнюсе. А тут и джинсы, и кроссовки, и сапоги, и многое, многое другое. А про «Тузекс» и говорить не приходилось. Всё то же самое, но уже реально забугорное известных производителей. За одну поездку мы так обарахлялись, что три-четыре года могли и не думать об одежде, обуви и прочем.

Таким образом, после нескольких путешествий в благословенную Чехословакию мы были морально готовы к попаданию в самую настоящую заграницу. По теории моего питерского дядюшки профессора университета, известного пройдохи и по совместительству не менее известного фило-

софа, для советского человека попадание напрямую в заграницу было чревато серьёзным нервным потрясением. И совсем не по причине восторга от архитектурных и природных красот, а от вида и содержания местных магазинов. Он рассказывал мне, как был очевидцем обморока одной партийной дамы, которую гостеприимные французы привели в магазин Тати. Это большой торговый центр в Париже, где продается то, что вышло из моды или совсем не пользуется спросом у местных. Дама оценила ассортимент, цены, сравнила с тем, что она получала в своем областном спецраспределителе и грохнулась без сознания. По этой причине, учил меня пройдоха-дядюшка, совтуриста надо готовить. Сначала заграница попроще типа Болгария или Польша. Потом по нарастающей – Румыния, Венгрия, ГДР. После ГДР можно запустить в почти настоящую Югославию и уж потом Париж, Рим и др. Кстати, дядюшка прослыл пройдохой за его уникальную способность проникать в разные заграницы в самые что ни на есть тяжёлые времена. Причём не только проникать, но и попадать в элитарные тургруппы, а то и вообще умудряться в одиночку просидеть, например, в том же Париже целый месяц...

Итак, августовская революция. Мы в одночасье стали гражданами маленькой, но независимой республики. Россия и прочие тринадцать сотоварищей по лагерю оказались за бугром. И по этому признаку они все сравнились с остальным миром, правда до поры до времени не требовали виз

да пограничный и таможенный контроль лишь намечался. А поскольку зарплата в несколько десятков долларов была за счастье, то о каких путешествиях могла идти речь, если одна ночь в более или менее приличном отеле в, скажем, Вене стоила аккурат в месячный заработок! Особенно остро я почувствовал это во время моей первой поездки в Германию в составе правительственной делегации. С одной стороны, нас обхаживали и облизывали хозяева, так как мылились влезть в нашу энергетику, а главой делегации был министр этой самой энергетики. Нас возили, поили, кормили, селили в шикарных отелях, устраивали многочисленные семинары и обсуждения. С другой стороны, денег у нас не было. Точнее почти не было. Мой шеф и очередной ангел Академик, устроивший меня в эту делегацию, пробил два гонорара за выступления себе и, как вы можете догадаться, мне. Сто, как сейчас помню, марок были ничтожной суммой по сравнению с ценами вокруг, но почти астрономической по отношению к среднему окладу в то время в республике. Это несопоставимость реалий тут и там угнетала, но была хорошим стимулом менять эти самые реалии тут. Там их и без меня поменяют. Эти ощущения многократно усилились после нескольких визитов в МАГАТЭ, где я в качестве эксперта дурил голову местным функционерам за очень, очень приличное вознаграждение.

– А как будет правильно: поехать отдыхать на Украину или в Украину? Правильно будет

в Швейцарию.

Как показывает мой опыт, если есть настоящее желание, а цель определена и ты начинаешь вкалывать и двигаться в направлении этой цели, то и судьба как-то вдруг поворачивается к тебе правильным местом и не убегает прочь сверкая пятками и вихляя обворожительной задницей, а наоборот подкидывает один за одним счастливым случай. И тут главное не упустить этот самый случай. Ведь он является зачастую не в самом явном виде и проморгать его плёвое дело. К счастью, у меня есть надежный друг и охранитель – внутренний голос. Он есть, кажется у каждого человека, но далеко не каждый способен услышать его и, тем более, последовать его совету. У меня же сложились отличные приятельские отношения с ним и в знак признательности к моему уважительному отношению к его советам, он бдит за мной постоянно и не раз и не два круто поворачивал меня в нужном направлении. Вот и тогда, в середине девяностых он подсказал мне перечень матерных выражений, которыми я покрыл одного сукиного сына замминистра, который посмел повысить на меня свой начальственный голос. Результатом посылы этого сукиного замминистра сначала на, потом в, потом одновременно и в и на, явилось написание заявления по собственному желанию, как следствие, вылет из директорства республиканского центра и приземление в качестве зам гендиректора в одной частной компании.

Гендиректор этой фирмы целый год искушал меня бро-

свить государеву службу и переметнуться в частный бизнес, но я, дитя недоразвитого социализма, остерегался и увиливал. Но тут легко сдался и причина перековки была проста и незатейлива – пост зам гендиректора по науке и внешним связям предполагал командировки туда. Причем не просто туда, а в обожаемую Вену с пока ещё обожаемым МАГАТЭ. А контакты с МАГАТЭ открывали двери во многие не менее вкусные места типа Парижа и другие его европейские окрестности. Что и случилось. Поскольку среди всего коллектива я был единственный, кто свободно говорил на английском, а к тому же был профессиональным физиком именно в нужной специализации, то мне и пришлось стать фактически лицом компании для дальнего и ближнего зарубежья. Трудно описать восторг от первых месяцев работы. Командировки следовали одна за одной. Мало того, что зарплата была в разы больше, чем на прежней директорской должности, так суточные при выезде, скажем, в Вену, были в полтора-два раза выше средней месячной заплаты в учреждениях. В том числе и родном ядерном центре, где я прослужил более двадцати лет по распределению из местного университета. Я быстро освоился с новым для себя зарубежным бытом, благодаря маленьким почти законным хитростям умудрялся с каждой командировки привозить сумму в твердой валюте эквивалентной полугодовой зарплате бывших коллег, начал снабжать семейство деликатесами и баловать результатами шопинга. Хотя жена резко ограничила ме-

ня в рвении купить ей что-нибудь с моей точки зрения подходящее.

– Милый, говорила она, – целуя при встрече. – Покупай себе что хочешь, а мне лучше сдавай валюту и поверь, я найду ей правильное применение.

Сын же был вполне счастлив компьютером и доставляемыми к нему различными новыми прибайбасами. В общем, жизнь удалась.

Омрачали её лишь две вещи. Правда, пока ещё слегка. Первая – невозможность брать с собой в поездки свою любимую жену. Нет, никаких ограничений со стороны начальства не было. Не жаль тратить на жену деньги, трать ради бога. Дело было в самой жене. Она в то время издевалась над студентами в одном ВУЗе, где работала профессором как основном месте и ещё в паре-тройке мест по совместительству. Нагрузка немалая и вырваться на неделю во время учебного периода удавалось крайне редко. Оставалось лето, но как раз летом командировок почти не было. Ушлые зарубежные коллеги ни в какую не хотели тратить драгоценное время летних отпусков на какие-то там мероприятия. А если что-то и организовывалось, то буквально на день-два, и тащить жену с собой смысла не имело. Ну, пару раз удавалось, что только раззадоривало жену и она начинала считать годы и месяцы до выхода на пенсию, чтобы в полной мере отдаться роли верной спутницы. На мои предложения бро-

сидеть на хрен эту работу, резонно отвечала, что частный бизнес, как она помнит из учебника по научному коммунизму, чреват возможным банкротством, чёрной неблагодарностью, безработицей и прочими уродливыми гримасами капитализма. Вторая вещь заключалась в том, что несмотря на обилие заграничных поездок, фактически я мало что мог увидеть. Да, удавалось запудрить мозги бухгалтерии и вылететь в субботу, а не в воскресенье. Да, удавалось точно также возвращаться домой не в пятницу аккуратно по окончании конференции или выставки, а опять же в воскресенье. Тем самым получить два-два с половиной дня на выполнение программы ознакомления с музеями, достопримечательностями города и его магазинами. Но, не всегда и особенно в случаях, когда ехать приходилось с гендиректором. Тот музеи не любил, ходить по городу – тем более, и пресекал все мои попытки продлить пребывание или хотя бы отпустить меня на пару часов из-под своего начальственного взора.

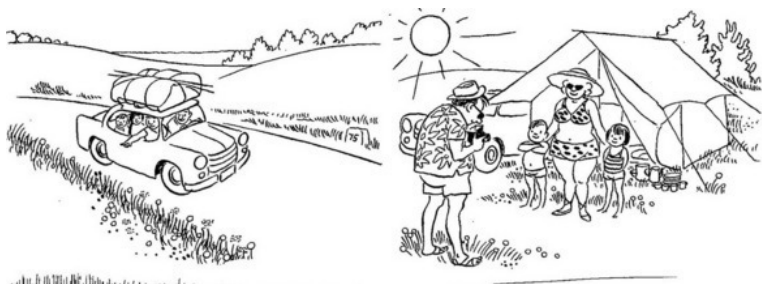
Было ещё одно сопутствующее осложнение. Я его вначале не заметил, не обратил внимание на изредка мигающий красный сигнал опасности, как и Васисуалий Лоханкин не обратил внимание на предупреждение соседей по Вороньей Слободке о необходимости тушить свет в общей уборной.

– Где это твой мужик пропадает? – спрашивали мою жену соседи по даче.

– Да опять в Вене мучается, – простодушно отвечала она.

Простота хуже воровства и реакция на эту простоту жены была, мягко говоря, неожиданной. По крайней мере, судя по выражению на лице соседа, которое никак не свидетельствовало о сопереживании моим мучениям. А так как моё отсутствие по подобным причинам на даче, фанатиком которой я прослыл, отличалось завидным постоянством, в народе крепло убеждение, характеризующее кратко и ёмко – Вот же, сука! Или помню, как возвратился с редкостной халявы. В середине мая обломилась конференция и выставка в Дубровнике. Мероприятие проходило в пятизвёздочном отеле на берегу моря в полукилометре от стен старого города. Мне удалось ввести в заблуждение родную бухгалтерию, подпольно включив в стоимость взноса оплату типа «всё включено». Это позволило сохранить девственность почти всей сумме командировочных расходов за вычетом ежевечерней траты небольшого количества местных тугриков на устриц в кафе в старом городе, куда я отправлялся после ужина. Ну люблю я устрицы, люблю! В отеле стоило спуститься на нулевой этаж, как вы оказывались на большой бетонной террасе, с которой можно было бухнуться прямо в прозрачное тёплое море. Что я делал трижды в день. Утром перед завтраком, во время двухчасового перерыва на обед и вечером перед устрицами. Майский загар не стоек, но шикарен и за неделю курорта я привёл себя в вид отдохнувшего месяц в Ялте в июле. Когда же вернулся в понедельник на службу, то на лестнице столкнулся с начальником НТО. Саша, так его

звали, не то что по английски, так и по русски выражался крайне неохотно, предпочитая односложные ответы типа да или нет. Но тут, увидев мою физиономию, сияние которой не испортил бы и съеденный килограмм лимонов, проворчал:

Х. Бидstrup. Фрагмент рисунка.

– Ну, попробуй только сказать, что как обычно мучился в этой командировке! Убью!

Тем не менее, на эти и некоторые другие, как мне казалось, мелочи особого внимания я не обращал и продолжал нежиться в объятиях столь желанной заграницы. Однако, не мог не заметить одного странного обстоятельства. В начале моей заграничной деятельности каждая поездка была как праздник. Собираться я начинал за неделю до отъезда и по мере приближения этого дня радостное ожидание переполняло меня. Подумать только, Париж! Город, ку-

да я и не мечтал даже попасть и которым я, как и миллионы граждан, восхищался после известного фильма «Париж, Париж»... Или Мадрид, или Стокгольм... Но со временем эти поездки стали превращаться в нечто обыденное, как будто не в Лондон я собираюсь лететь через несколько дней, а на электричке в областной центр по мелкому делу. Сборы сократились с недели сначала до нескольких дней, потом чуть ли не до нескольких часов. Жена приготовила командировочный чемодан типа тех, т.н. посадочных, что готовили жены нэпманов, ожидая неожиданного ареста мужа. Сменное бельё, мытые принадлежности, галстуки, рубашки, нужная мелочёвка... Бывало утром, придя на службу, я выяснял, что к вечеру надо быть, скажем, в той же Вене. Секретарша заказывала билеты, я связывался с хозяином отеля, в котором привык останавливаться уже несколько лет, водитель гендиректора подвозил меня сначала до дому, где буквально за полчаса я собирался и затем в аэропорт и вот я опять еду по привычному маршруту к отелю. Хозяин радостно встречает, мой номер готов, лёгкий ужин в ресторанчике отеля, рюмка любимого сливового ликера на ночь... Когда же я плакался своим близким друзьям о том, что в результате такой жизни я лишился праздника, который ждёт каждого в первой поездке в заграницу, реакция была однозначной: – Ну, гад, зажрался! – воскликнет приятель или читатель, который из всей заграницы кроме Турции, Египта и, может, чего-нибудь в Европе ничего боле не видал. И прав

этот читатель, ей богу прав! Зажрался и что хуже всего, я понимал, что зажрался, что в этом ритме я жить долго не смогу, что надо менять что-то, а что? И как? Апофигеем была одна из последних поездок в Австрию. Пришлось лететь в Вену совершенно неожиданно. Я пришёл в понедельник на работу и тут же получил информацию, что надо срочно быть во вторник утром в ядерном центре в получасе езды от города. К счастью, на рейс самолёта я успевал, билеты были, водитель доставил меня домой, командировочный чемоданчик в руку, поцелуй жене и к вечеру я в любимом отеле недалеко от МАГАТЭ. Поужинал и что делать? Погода не радует, но традиция есть традиция, сел на метро, вот Штефанплац, далее традиционное кольцо пешком по улицам – Грабен, Кольмаркт, Ринг, Картнерштрассе и опять Штефанплац, метро и отель. Вторник с раннего утра на служебном автобусе в ядерный центр. Весь день измерения, вечером назад в отель. Устал как собака. Ужин в ресторанчике напротив и в койку. Среда – аналогично. Четверг – завтрак, такси, аэропорт, самолёт, мой кабинет. Вздохи приятелей – везёт же, Вена! Какая на хрен Вена?! Час по кольцу в центре и всё? Так был я в Вене или нет? Вы спросите, а отпуск, а что летом просто путешествовать, как раньше? Эх, да с радостью, только частный бизнес отличается тем, что не волен я был как прежде на госслужбе забить себе ещё осенью отпуск на следующий год на пару месяцев – июль да август, и знать, что ничего за год не изменится, и я точно именно перво-

го июля помашу ручкой из поезда или самолёта, и вернусь лишь к началу сентября. А тут... Ноябрь, а то и декабрь – вот мои отпуска за все годы службы. Да и что, чем плоха такая жизнь? В конечном счёте, ведь это просто работа и подавляющее большинство мечтает о такой. И это правда, но я ведь упомянул о своей романтической душе. Что с ней делать? Всю предыдущую жизнь я стремился обеспечить себе максимальную свободу выбора, и оказалось, что она у меня в эти годы стала меньше, чем даже во времена СССР, хотя казалось бы всё должно было бы быть наоборот. Такие или почти такие мысли крутились в моей голове в самолёте, в котором я очередной раз возвращался из Штатов. Мои отношения с ген директором к тому времени резко обострились, описывать причины смысла нет, я не раз об этом рассказывал. Скажу лишь, что мой верный друг, мой внутренний голос сначала шёпотом, а потом уже в полную силу по возвращению домой орал мне – «Беги!!!». И я сбежал.

Часть третья.

Своообббодддаааа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Бежать пришлось не долго. Хотя я был уверен, что придётся не просто бежать, а бегать, высунув язык в поисках пристойного места службы. Сунуться назад в опостылевший ядерный центр гордость не позволяла. Этим я прикрывал истинную причину – нищенскую зарплату. Ну, в смысле по сравнению с тем, что имел ещё вчера. А где найти такую же? И с горестными мыслями я удалился в пустынь аки орёл крылатый. Иначе говоря, скрылся на даче в обществе пары бутылок водки, чтобы в юдоли печали обдумать своё беспросветное будущее. Жена моя любимая, надежда и опора, мой руль и мои ветрила на тот момент пребывала в отсуствии, т.е. в командировке. Она ничего не знала о столь крутом повороте в моей судьбе и по-прежнему лелеяла в душе мысль о первом дне на пенсии, который собиралась встретить со мной, несчастным, где-нибудь в приличном месте, например, в Венеции. Хотя и Мухосранск принимается, так как радость от выхода на свободу может сделать райским уголком даже такое место. Но, Венеция, конечно, предпочтительнее. Итак, засел в доме и на пару дней ушёл глубоко в самоанализ. Два дня потому, что с собой было всего две бутылки водки и растянуть их при погружении в самоанализ на три не получалось. Первый день я пребывал в шизофре-

ническом состоянии. Одна часть моего сознания радовалась свободе и пила рюмку за рюмкой за здоровье, вторая же погрузилась в глухую тоску и пила за упокой. День прошёл, прошла и ночь, утро не принесло ничего нового, кроме мерзкого ноябрьского дождя с ветром и большой с похмелья головы. От нечего делать, включил компьютер и стал читать почту. Писем было много, в основном от наших партнёров, которые выражали сожаление о моей преждевременной кончине в качестве зам гендиректора. И тут произошло виртуальное явление ангела, судя по всему тринадцатого на моём пути, а может и четырнадцатого по счёту с того момента, как эти создания почему-то впервые обратили внимание на меня, грешного. Очевидно, что ни у одного из известных семи ангелов никакого дела до меня ни сейчас, ни ранее не было и пришлось признать, что кроме них есть ещё другие, в подполье. Я с этими подпольщиками уже имел дело. Они, конечно, прикидывались обычными людьми. Но обычным людям на хрен меня поддерживать, спрашивается? Значит, точно, ангелы под прикрытием! Из тех, что падшие, и которых вышвырнули в своё время из Рая. Думаю, что вышвырнули именно за то, что тайком помогали таким как я. В это утро в роли ангела выступил наш американский партнёр и мой друг. Не буду повторять то, о чём писал ранее. Американский ангел, словно Персей Андромеду, своим письмом освободил меня от цепей грядущего беспросветного бытия. Тут мою шизофрению как ветром сдуло, обе части сознания вос-

соединились и мы вдвоём с моим объединённым сознанием выпили вторую бутылку водки и на следующий день примчались домой, чтобы донести до жены благоую весть – на пенсию хоть завтра, обеспечу!

Жена эту весть приняла с восторгом, но на пенсию не рванула, а решила дожидаться положенного срока. Воспитанная на идеях социализма и в страхе перед капитализмом, ангелу она хоть и доверилась, но не до конца. А конец, он же начало лучшего периода жизни ожидался года через три. Как известно, в жизни лучших периода лишь два: до школы и на пенсии. Остальное время – чуть свет и на работу. Дело оставалось за малым: как протянуть эти три года с тем, чтобы не было мучительно стыдно за то, что не слиняла на пенсию раньше...

Как известно, наш брак был фиктивным. История его заключения много раз описывалась мной. Она, эта история, в моём изложении и изложении жены выглядела несколько по-разному. Жена представляла свою роль этакой декабристской, спасавшей любимого от ужасов советской армии. Реально дело было не в ужасах, а во мне. Представить себя офицером, командиром огневого взвода гаубиц, я не мог даже в своём богатом и часто воспалённом воображении. Вся моя воинская служба прошла в течение почти трёх летних месяцев на сборах после четвёртого курса. Прошла она большей частью на кухне по ночам в виде нарядов вне очереди

ди за... За всё! За лишние вопросы при получении приказа, за забывчивость (не отдавал честь встречным офицерам), за нежелание выполнять дурацкие работы типа покраски травы зелёной краской перед приездом комиссии, за нежелание петь в строю по причине полного отсутствия голоса и слуха и много прочего «за». Я декабристские заблуждения жены, точнее ещё тогда не жены, не развенчивал. А сам понимал, что если армия, то уже нарядами вне очереди не отделаюсь, а могу довести дело до трибунала. Спаси меня мог только ЗАГС, что и произошло. Естественно, никакой свадьбы не было, что оставило на сердце моей жены незаживающую рану. Было намерение таки изобразить нечто подобное на родине жены в/на Украине, но произошло печальное событие – скоропостижно скончался тесть, так и не увидевший зятя. Не до свадьбы было и потом это дело совсем замылили. Даже на мою фамилию жена не перешла, так как по первоначальным планам мы думали развестись через несколько дней после ЗАГСа при получении гарантированного подтверждения со стороны военной кафедры об удалении меня из списка и замены на моего приятеля, который попал под раздачу случайно. В ненужное время оказался в ненужном месте – зашёл на кафедру сдать что-то оставшееся со сборов. Попался на глаза комбату и... Развод предполагала моя жена, я же был против и просто отвлекал её от этих мыслей. Вот, уже скоро будет почти полсотни лет, как отвлекал и... продолжаю отвлекать.

К моменту попадания в рай усилиями моего американского ангела воспоминания об отсутствии свадьбы померкли, почти забылись, но новая жизнь их частично воскресила. Не у меня, конечно. Просто я стал замечать некоторые признаки. Вот мы идём где-нибудь мимо какого-нибудь места, куда принято приезжать молодожёнам прямо из ЗАГСа. Раньше мы проходили мимо не обращая внимания. Сейчас, я заметил как жена притормаживала, останавливалась и смотрела на происходящее глазами нищего голодного ребёнка, наблюдающего через витрину кафе счастливого ма-

лыша поглощающего мороженное. Понятное дело, надо было срочно придумывать что-то, что могло отвлечь её от опасных мыслей. Это как усыновить того ребёнка и отвести его в то самое кафе.

Что может отвлечь женщину от грустных мыслей на тему, всю жизнь, гад, испортил! Или, почему я за Петю, Колю, Изю и др. не вышла? Заграница+шопинг! Не убиваемый способ отвлечения. В нашем случае ситуация была и лучше и хуже. На жизнь жене было жаловаться грех. По разным причинам и в разных смыслах. Хуже, потому что, как говорится, были желания, но не было возможности. Преподавательская деятельность давала большую свободу, чем обычным служащим, но ограничивала частые отлучки. Итак, на кону были два способа отвлечь жену. Первый, очевидный, раз и навсегда. А именно, отыграть таки свадьбу. Например, серебряную. Но срок этот мы оба проморгали. Даже, кажется оба забыли. Может быть назначить какую-то другую? Типа коралловой или рубиновой? Это на первый взгляд самый простой вариант. Отыграли и забыли. Но наше общее отношение к свадьбам резко изменилось после нескольких приглашений на такие события. Зрелище было столь отвратительным, что мы поклялись никогда более ходить на такие мероприятия и, тем более, было бы глупо самим его организовывать. Следует учесть, что наш сын пошёл по нашим стопам. Женился втихую, не фиктивно, но свадьбы не устраи-

вал и чуть ли не прямо из ЗАГСа слинял в очень пристойную за границу, где потрясающе удачно обустроился, а также произвел на свет двух очаровательных дочек. А свадебная церемония заключалась в лёгком ужине в ресторане напротив нашего дома, где мы с молодыми и сватьей выпили и закусили. Дело было в день посещения ими ЗАГСа. На следующее утро новоиспечённый муж улетел, а жена его последовала за ним через несколько месяцев после того, как семейное гнёздышко было готово.

Оставался единственно возможный путь – за граница. Причём в нашем случае даже без шопинга. Ну, не совсем без, чуть-чуть можно.

Естественно, что настоящее свадебное путешествие в настоящую за границу следовало бы обставить как «медовый месяц вдали от дома». При всей либеральности моего американского ангела, максимум, на что я мог рассчитывать в качестве командировки – две недели. При этом ещё надо было изловить причину поездки не просто в за границу, а в приличную за границу. Это раз. Лето отпадало по причине выполнения нами новых обязанностей бабушки и дедушки. Это два. Профессорские обязанности как путы на ногах давали возможность смыться в другое время максимум на неделю. Это три. Были ещё множество других четыре, пять, шесть и т. д.

Шло время, а требуемое совпадение никак не получа-

лось. Во-первых, праздновать полагалось в определённый день, а именно тогда, когда под пристальным взглядом тётки в ЗАГСе, я промямлил: «Да!». Во-вторых, эта дата попала на самое начало июня. С точки зрения командировок это был абсолютно мёртвый сезон. В-третьих, надо было бы для приличия подобрать хоть какую-нибудь круглую, или на худой конец, полукруглую дату. Конечно, каждый год мы как-то отмечали этот день, но не празднично, а просто и буднично: баня, креветки в чесночно-коньячном соусе, джин с тоником... Стоит упомянуть, что начало июня кроме всего прочего, это разгар дачного сезона. Посадочная страда вот-вот закончилась, и кое-что уже показалось из-под земли. Сорняки и прочие вредители только этого и ждали. Пока мы на даче, они ещё побаиваются открыто нападать на первые ростки будущего урожая, но стоит нам покинуть поле боя, как враги вырываются на свободу, круша всё то, что так любовно пестовала моя жена. Однажды по наивности мы решили, что тщательнейшая прополка самих грядок и проходов между ними, обработка разной химической гадостью всего участка и даже его ближайших окрестностей даёт нам возможность провести десяток дней за пределами республики. Ха, размечтались! Несмотря на то, что при прополке жена выскребла каждый подозрительный стебелёк, что я дважды прошёлся с опрыскивателем по всем подозрительным местам, картина, которую мы застали по приезду, повергла нас в шок. Три рядка картошки были покрыты почти мет-

ровыми зарослями коммунистки. Так у нас обзывали этот сорняк за несгибаемость и живучесть. Естественно, что чахлые всходы картофеля были не видны невооружённым взглядом. Судя по горестным стенаниям жены, такая же ситуация была со всеми грядками. Кроме коммунистки их покрывала такая разнообразная растительная дрянь, что среди неё различить полезные растения можно было лишь с помощью мощного увеличительного стекла. Борьбу с сорняками в том году мы позорно проиграли. Прополка шла медленнее, чем на бой вставали новые орды захватчиков. Спасли парники, там огурцы с помидорами, перцами и баклажанами смогли выстоять и дали урожай. Небольшой, но достаточный, чтобы нам пережить голодную зиму...

Мы уже подумывали о том, чтобы и перенести дату на другое, более благоприятное время, но тут совпало почти всё, кроме командировки. Ну и чёрт с ней, подумал я. Можно хоть раз в жизни и за свой счёт... Во-первых, я сделал автоматический капельный полив в парниках. Жена научила меня мульчировать скошенной травой всё пространство в них, что вместе с таким поливом не оставляло сорнякам ни единого шанса. Во-вторых, благодаря ранней весне и ранним посадкам основные культуры выросли и достаточно окрепли. Хотя сорняки и могли подняться за наше отсутствие, но полезные растения уже не затеряются, смогут за себя постоять и быть легко идентифицированы. Так что осталось выбрать место куда лететь и где отмечать А что же совпало? Наша да-

та была полукруглая – 45, а вот раньше её на два дня исполнялось 40 сыну, которого мы пытались привлечь к совместному празднику. Сначала он скулил, что такую дату не принято отмечать, что у него работа... Мы плюнули и решили – обойдёмся, выпьем за него без него. Купили билеты, заказали отель и за два дня до отлёта сын вдруг захотел. Но, катер свистнул и скрылся за горизонтом, иначе говоря, кто опоздал, тот не успел и мы улетели вдвоём. В Тбилиси...

Вы удивитесь, с каких-то пор Грузия, хотя такая же независимая как и наша республика, вдруг посчиталась за всамделишную за границу? Во-первых, мы поддались пропаганде, что за время своего президентства небезызвестный Саакашвили превратил страну в цветущий край. Во-вторых, последний раз мы были в Тбилиси лет сорок тому назад, и тот визит оставил чудесное воспоминание. В-третьих, мы с женой большие любители вкусно поесть и сладко выпить. Как я писал неоднократно, общественное питание в Европе деградирует на глазах, а грузинская кухня... О, эта грузинская кухня! Мысль о шашлыке из баранины – настоящей, с горных пастбищ, о сациви, чахохбили, хачапури и прочих деликатесах жгла мозг и желудок нетерпеливым желанием: скорее, скорее и побольше! Кроме этого, я рассчитывал, что, наконец, мы сможем попробовать настоящее «Киндзмарули» или «Хванчкару», или «Псоу», или «Оджалешу» или далее по списку. Последний раз я пил настоящие грузинские ви-

на в конце шестидесятых. Потом они совсем исчезли в нашем городе. А в поездках в Абхазию и Грузию в семидесятых их уже и там было не найти. Правда, нас угощали домашним вином, которое выдавали за фирменное, но куда ему было до настоящего. Под впечатлением тех поездок я сам занялся изготовлением вина из винограда «Изабелла». Этот сорт изредка появлялся в Минске в августе. Я ловил его ещё на складах, причём просил слегка подгнивший, чем несказанно удивлял грузчиков. Обычно мы готовили около тридцати литровых бутылок первача. Так называли мы первый отжим. После него в оставшуюся мезгу добавлялась вода и сахар. Это была второй отжим и его производилось также тридцать литровых бутылок. Был ещё и третий, но его получалось около двадцати. Первый отжим пили мы сами и угощали лишь близких друзей. Второй отжим выставлялся на стол по праздникам, когда у нас собиралась богемная компания. И третий шёл «врагам». Под этим понимались случайные залётные или неожиданные и нежеланные гости.

Так вот, наши друзья грузины, попробовав первого отжима, слёзно просили бутылочку с собой, чтобы показать дома, что значит настоящее вино.

– А что, у вас такого не производят, – удивлялся я.

– Производят, отвечали друзья, – но разбавляют...

– Я понимаю, что разбавляют для продажи, а для себя?

– Для себя не разбавляют, – неуверенно говорили они, – хотя, хотя и для себя разбавляют...

Как тут не вспомнить известный еврейский анекдот про вкусный чай.

Наш план поездки в Тбилиси был прост. Селимся в самом сердце старого города. Осматриваем основные достопримечательности, включая художественный музей, где выставлены работы Пиросманишвили. Трижды мы пытались туда попасть в советские времена и трижды не смогли по разным причинам. Далее – Мцхета. Дату отмечаем в лучшем ресто-

ране Тбилиси. И каждый день завтракаем, обедаем и ужинаем в разных ресторанах с тем, чтобы охватить весь спектр столь любимой нами грузинской кухни. Итак, билеты на самолёт были за мной, а жена, как всегда занялась поисками жилья. В этом деле у неё нет равных. Она умудряется найти отель или апартаменты, сочетающие в себе несовместимые вещи. Т.е. идеальное расположение, смехотворную цену, прекрасные удобства. По непонятным мне причинам в том году большинство рейсов из Минска в столицы бывших советских республик совершались ночью. Это в какой-то мере портило впечатление от первого дня, поскольку спать хотелось постоянно, особенно после обеда с вином.

Вылетали в Тбилиси около одиннадцати вечера, а прибыли туда около двух ночи. На паспортном контроле нас удивили подарком в виде бутылки вина каждому. Хорошее начало! На такси двинулись по адресу. Ночной город не вдохновил – спали всю дорогу. Когда же водитель, растолкав нас, указал на наше жильё, я содрогнулся. Представьте себе сирийский город после того, как оттуда выбили террористов. Вот так выглядел дом, в котором нам предстояло провести пять праздничных дней. Что окружало это здание, разглядеть в темноте не было возможности. Нас встретила хозяйка и провела внутрь. Контраст между внешним видом дома и его внутренним содержанием потряс, но уже в правильном, оптимистическом направлении. Европа, ей-богу, Европа! Ура! Пробормотав благодарственные слова и подкрепив

это расчётом наличными, мы завалились спать.

Утром я вышел на улицу. Вид дома и окружающей среды при дневном свете оказался совсем иным. Очень даже аутентичным. Узкая улочка, мощенная булыжником, обшарпанные дома, причём как-то романтически обшарпанные. На углу лавчонка, в ней классический пожилой грузин, который заведя меня приветливо помахал рукой. Я подошёл.

– Что, это Вы вчера ночью приехали?

– Да, – удивился я.

– У Нино остановились?

– Да, – на всякий случай кивнул я, хотя, кто такая Нино не знал.

– У меня свежий лаваш, возьмите, не пожалеете. Вы же на пять дней сюда прибыли, поэтому каждое утро я Вам буду откладывать.

Я поразился. Пять минут, и я вдруг почувствовал себя почти как дома. Не только старик, но и окружающие уже знали кто мы, откуда, как долго собираемся быть.

Это мне напомнило первый наш приезд. Мы тогда с женой отдыхали на море в Сухуми. На пляже познакомились с грузинским армянином из Тбилиси – Суриком. Две недели мы вместе валялись на солнце, купались. Сурик был с шикарной блондинкой, которую, как он нам рассказал, подцепил ещё в поезде. Как это часто бывает, случайное знакомство переросло в тёплые почти дружеские отношения. Мы их поддер-

живали несколько лет. Сурик приезжал к нам в Минск, мы – в Тбилиси. Потом он неожиданно пропал. Как я понял, он был т.н. цеховик. То ли был хозяином обувных мастерских, то ли просто там работал, но вся эта деятельность носила криминальный характер и, возможно, Сурик попал под раздачу конкурентов или загремел под фанфары, т.е. сел.

А тогда он пригласил нас на обратном пути домой заехать к нему в гости. Мы поломались слегка для приличия, но заехали. Нас поселили в комнате в чудесном месте. Это было сердце старого города. Дома в два-три этажа лепились друг к другу на склоне холма. Окно нашей комнаты выходило на крыльцо одних соседей, с нашего крыльца можно было перешагнуть через перила и оказаться вдруг у других. У утра все громко перекликались на грузинском языке, пахло вкусным так, что кружилась голова. Мама Сурика усадила нас за стол и уговаривала: «Кушай генацвали, кушай!». Мы были ошарашены атмосферой столь непривычной, что казалось, будто мы смотрели фильм киностудии «Грузия-фильм», и даже не смотрели, а были сами участниками. Все соседи вокруг знали всё о нас, и пока мы спускались в город, нас останавливали, спрашивали о здоровье, расспрашивали как жизнь в Минске, охали и ахали... Мы провели чудесные несколько дней в городе. Сурик был хоть и на половину армянином, но вёл себя как истинный грузин – не оставлял нас практически ни на минутку, показывал город, кормил в ресторанах настоящей грузинской

кухней. Именно с тех времён мы полюбили всё грузинское и в первую очередь людей. Пару раз мы таки отрывались от нашего гостеприимного хозяина и гуляли самостоятельно. Был забавный случай. Мы решили посетить разрекламированные серные бани, где банщики мыли и массажировали клиентов. Я получил всё сполна, вышел довольный на волю и стал ждать жену. Вскоре появилась и она с выражением на лице, которое обычно предвещало мне приличную головомойку. Оказалось, что в женском отделении сплошная халтура. Жена потребовала, чтобы я пошёл с ней и написал жалобу. Я согласился с полной уверенностью, что книгу жалоб нам не выдадут, а в лучшем случае вытолкают взащей. Ан нет, книгу выдали с неподдельным изумлением. Судя по выражению лиц и виду книги, её выдавали исключительно для написания хвалебных благодарностей. Мы накатали длинную ядовитую жалобу и вскоре об этом забыли. Представляете наше удивление, когда месяцем позже мы получили письмо из той самой бани. В нём давался подробный отчёт о собрании трудового коллектива по поводу нашей жалобы. Перечислялись лица, которые понесли наказание, а также перечень наказаний. Письмо было подписано классическим треугольником: директор, председатель профкома и секретарь парторганизации. Жаль, что письмо затерялось при переездах...

В первый же день мы обошли старый город в поисках того

ресторана, в котором намеревались отпраздновать нашу дату и отметить день рождения сына. Потыкались в несколько пока нам не подсказали: Дом Хлеба, но надо заказать столик заранее. Нашли, заказали. Пока гуляли, пока искали, подошло время обеда. Ха, рядом знаменитый ресторан Резо Габриадзе. Знаменитый-то, знаменитый, но... В общем, не то. Удивились, но нашли простое объяснение – популярное место, поэтому и халтурят, общая болезнь туристических мест. Хотя от Тбилиси этого не ожидали. Старый город оказался разделённым на две части: полностью отреставрированный и не тронутый, т.е. в котором жили мы. Первый – похож на декорации. Может быть со временем оботрётся, слегка облупиться и станет похожим на жилой, но сейчас уж слишком прилизанный и приглаженный. Тем более, что при реставрации был утрачен собственно дух Старого Тбилиси. По крайней мере по нашим ощущениям. А вторая, «наша» часть была этим с духом переполнена с избытком, что местами дома напоминали скорее развалины, нежели человеческое жильё. И так было по всему городу. С одной стороны супер современные здания, с другой почти лачуги. По этой причине Тбилиси оставлял некоторое сумбурное впечатление и навевал ностальгию по временам нашего первого приезда. Особенное разочарование вызвало общественное питание. Все наши попытки найти такой ресторанчик, чтоб АХ! успехом не увенчались. Чтобы попробовать настоящие хинкали, почти полтора часа тащились через центр на почти

окраину. Дотащились и... Да у нас в Минске, думаю, не хуже. Единственное, что обрадовало мою жену, были настоящие абхазские хачапури в непрезентабельной забегаловке почти напротив нашего жилья. Я хоть и отношусь к этому блюду достаточно хладнокровно, но тоже оценил.

И, наконец, ресторан Дом Хлеба. Врать не стану, почти на пять с плюсом. Главное, наконец, нам подали настоящее «Киндзмараули». Сначала налили на пробу, но я только сделал глоток, как потребовал две бутылки. Это было то, о чём я мечтал столько лет. Хотя нас пугали тем, что в этот ресторан не попасть и надо было резервировать места, народу было немного. Тем не менее, большинство столиков были заняты. Мы сидели друг против друга, медленно пили отличное вино, закусывали вкуснятиной по высшему разряду. Отметим сына, потом выпили за нас, потом долго сидели молча. Каждый думал о чём-то своём. Я, о том, что сорок пять лет прошло с того момента, когда тётка в ЗАГСе проштемпелевала наши паспорта, что никто из нас не думал, что будем столько лет вместе, что можно с уверенностью утверждать – браки заключаются на небесах и мы к этому имеем малое отношение, что все эти годы я был счастлив, что с чистой душой могу сказать: дерево посажено, дом поставлен, сын родился и сколько бы лет мне не осталось жить, главное чтоб вот эта самая любимая и самая прекрасная женщина была всегда со мной, и чтобы мы жили долго и счастливо и чтобы

ушли в один день...

После ресторана мы медленно шли по ночному городу. Был тёплый вечер начала лета. Да, Тбилиси оказался совсем не тем, которым мы его знали. Стал ли он лучше или хуже, не нам судить. Мы наконец попали в музей Пиросманишвили. До этого мы практически не были знакомы с оригиналами картин, в основном с репродукциями. Но даже прекрасного качества открытки, которые имелись в нашей коллекции, не давали представления о художнике. «Живьём» картины выглядели необычно в первую очередь из-за материала, на котором они были нарисованы. Мы провели там полдня, уходить не хотелось и только вопли желудка заставили нас перейти от духовного к низменному, материальному, к обеду. Скажу сразу, что если бы не Дом Хлеба, мы бы были окончательно разочарованы в грузинской кухне. Может быть где-нибудь в провинции, в глуши можно найти настоящий харчо или чахохбили, или лобио, или... Но времени на это у нас не было. Мы ещё смотались в Мцхету, вспомнили Мцыри... Сходил в Пантеон, посетили базар. Но везде было странное ощущение. Что это? Европа, СССР, Грузия? Чёртова глобализация убивает всё аутентичное, своё, национальное. Местами – да, европеизировались, местами, кажется время встало. Нашли барахолку, что-то вроде блошиного рынка. С удовольствием таскались пару часов. Смотрю, рядом какая-то странная толпа. Люди стоят группками, что-то обсуждают, записывают в блокнотики. Подошёл, по-

интересовался. Оказалось – явление из восьмидесятых годов прошлого века. Биржа по обмену квартир! Я спросил про риелторов, про интернет. Ответ был прост – тут не обжулят, а там, запросто. С одной стороны – независимая республика. После 2008 к России вроде бы плохое отношение. Но... все говорят по-русски. В том числе, дети! За всё время только раз на базаре встретил старушку, которая нас не понимала. Отношение крайне доброжелательное, если не затрагивать болезненные темы. Не знаю, вернёмся мы сюда когда-нибудь или нет. Скорее всего нет. И вот почему. Во времена СССР национальные окраины жили своей жизнью. Многие из их жизни нам казалось странным, многое непонятным, иногда неприятным. Но это было своё, реально национальное, а не декоративное, рассчитанное на равнодушных туристов. Хотя мы остались довольны этим коротким путешествием, но прийти к однозначному выводу, стоило сюда ехать или сохранить нетронутыми давние первые впечатления, так и не смогли. Ну, и ладно.

В последний день поздно вечером ждём такси в аэропорт.

– Ну, что, – спрашиваю жену. – Как тебе?

– Отлично. Но, знаешь, к чёрту эти свадебные «танцы»!

Мы с тобой славно жили и, надеюсь, так и продолжим. А отмечать каждую годовщину лучше всего у нас на даче. И вкуснее и приятнее...

Вот так и окончилось наше единственное свадебное путешествие.

Автомобиль не роскошь

Мои мечты...

Их реализация...

Впервые за руль я сел в шесть лет. Руль тот был от велосипеда... Но долго подержаться за него мне не дали, забрали и отдали кому-то. Дело было в Ленинграде, где мы жили на углу Невского и Герцена, в ста метрах от Дворцовой площади. На ней-то отец и учил меня кататься. Бабушка, прознав про это безобразие, закатила грандиозный скандал. Её родной брат в начале тридцатых годов ехал на велосипеде по шоссе и был сбит пролетевшим мимо грузовиком. С того времени слово «велосипед» в нашей семье был полным и окончательным табу. Отец вяло сопротивлялся, но в конце концов не стал портить без того не радужные отношения с тётшей и велосипед куда-то дел. Все мои попытки получить новый уже вдали от бабушки успехом не увенчались. Отец обещал купить, но ставил непосильные задачи типа окончить учебный год на все пятёрки. Непосильной эта задача была из-за русского языка, по которому вплоть до окончания школы тройка была вождеденной отметкой, четвёрка – мечтой, а пятёрка непокорённой ни разу вершиной. Мама ничего не обещала, но и не запрещала. Когда же отец умер, а мне тогда едва минуло тринадцать, я решил, что велосипед-таки получу. Но мама то ли в память об отце, то ли по бабушкиному наущению категорически запретила мне даже думать об этом.

Реализовать же свою мечту детства я смог только после того как женился и нас с женой выперли в собствен-

ную квартиру почти на окраине города. Сейчас, правда, это тихий центр... Мама, конечно, поскуливала, но я старался ей на глаза на велосипеде не попадаться и избегал любых разговоров на эту тему. Я же блаженствовал. Для меня «велик» стал заменой общественному транспорту. Так как после окончания университета я попал по распределению в ядерный центр, который находился в 15 километрах от города и доставлял туда сотрудников служебными автобусами, то в общественном транспорте я нуждался только по выходным и по делу или для посещения друзей-приятелей. Велосипед подходил для этого идеально практически круглый год за исключением дней с особыми погодными катаклизмами. Моя жена сначала не обращала внимания на мои развлечения, потом обратила, потом начала завидовать, а потом мы купили и ей. Эпопея овладения её этим нехитрым транспортным средством состояла из двух частей. Первая – простая, научиться ездить на велосипеде. Этот этап она прошла буквально за пару дней. Недаром же мастер спорта по спортивной гимнастике. А вот второй этап – вождение велосипеда в условия города дался ей с большим трудом. И, честно говоря, так полностью и не завершился. Дело в том, что долгое время жена могла выполнять только одно действие: поворачивать, тормозить или кричать. Два вместе – никогда. По этой причине, если на пути у неё попадалась человеческая особь, всё решало то, что первым приходило в голову. Если руль – то жена благополучно объезжала препят-

ствие, если тормоз, то в зависимости от скорости и расстояния до объекта, она или успевала остановиться или слегка наезжала на человека. Правда звук торможения был хорошо слышим, и жертва как правило успевала уступить дорогу. Но, если ни про руль, ни про тормоз жена вспомнить не успевала (что было наиболее частым явлением), то с криком: «Женщина! Осторожнее!» она влетала в несчастную. Я наблюдал эти картинки постоянно. Крик, потом ещё один, но уже не жены, звук удара, на земле жертва, сверху велосипед и на нём моя жена. Бог мой, сколько же народу она положила до тех пор, пока не научилась совмещать хотя два действия, и теперь не полагаясь на тормоза или руль, она кричит, тормозит и даже иногда успевает повернуть. Народ успокоился и ходит в окрестностях нашего дома безбоязненно.

Другой проблемой для жены при езде на велосипеде являлась полный топографический дигбилизм. Сто раз мы ездим по одной и той же дороге, она каждый раз спрашивала, куда повернуть. Это конечно началось давно, когда мы таскались по тайге. Я всегда шёл впереди с ружьём, она как верная скво следовала за мной. И на велосипедных прогулках точно также я ехал первым, ибо стоило только её пропустить вперёд, как только богу было известно, куда мы попадём. Я говорю об этом столь подробно, чтобы объясним причины, по которым мы долго не заводили автомобиль.

Большую часть нашей жизни мы не нуждались в своём автомобиле. Во-первых, и я, и жена легко обходились без общественного транспорта. Как отмечено выше, я работал в ядерном центре в пятнадцати километрах от города. Сотрудников к институту доставляли служебные автобусы. Мой – отправлялся с остановки в двухстах метрах от дома. Сюда же он возвращал меня по окончании рабочего дня. Жена работала недалеко от дома. В хорошую погоду пешком минут двадцать, в плохую – три остановки трамваем. Летом в отпуск – в те места, где и пешком-то с трудом. Дом же в шаговой доступности от всех объектов жизнеобеспечения. Дачи не было. За город – электричкой, если с ночёвкой, велосипедом – если на день. Никакой мотивации, чтоб купить машину. Во-вторых, пример автомобилистов из моей лаборатории. Дело в том, что хотя институт был академический, но кормился он из рук могучего Средмаша (министерства среднего машиностроения). Благодаря этой кормёжке мы не только были обеспечены более высокой по сравнению с другими НИИ зарплатой, но имели возможность быстрее двигаться в очереди на жильё (строились дома в посёлке при институте), а также гораздо проще получить воделенный автомобиль. Средмаш давал нам их заметно больше, чем получали другие организации из не столь приличных источников. Поэтому чуть ли не каждое утро я был свидетелем бурных обсуждений о каких-то крестовинах, мастерах, которые могли подобрать краску, чем и как дополнительно обрабаты-

вать днище против ржавчины, какие прокладки годятся для перехода на более дешёвый бензин и о прочей ерунде. Кроме этого я слышал о постоянных проблемах с гаражом, парковкой вблизи дома и массе других проблем, которые появлялись одновременно с приобретением авто. Если учесть, что по сравнению с зарплатой стоимость автомобиля была заоблачной и купить его могли лишь те, кому помогали родители или внезапно упавшее на голову наследство от также внезапно скончавшегося далёкого родственника. Некоторые, чтобы приобрести мечту, несколько лет подряд тратили летние отпуска в шабашных бригадах, другие влезали в долги. Меня коллеги подначивали, знали наверняка, что деньги есть. Но я говорил, что куплю машину только при следующих условиях:

1. Когда её стоимость будет не больше, чем моя полугодовая зарплата.
 2. Когда запчасти я смогу покупать запросто в магазине в тот момент, когда они понадобятся.
 3. Когда не я буду бегать за мастером, униженно кланяясь посмотреть машину, а когда мастера будут встречать меня у порога мастерской с низким поклоном и благодарностью, что я оказал им честь обратиться.
- Гы-гы! – ржали коллеги. Значит никогда!

По этим причинам я и в мыслях не держал идею стать автомобилистом. Ну и дурак. После смерти мамы осталась приличная сумма денег, достаточная для того, чтобы купить

и машину и даже гараж к ней. Но мы были наивными гражданами, верили в СССР и поэтому после его развала всей той наследованной суммы хватило на два трамвайных билета...

Всё изменилось, когда моя жена стала работать в институте, до которого приходилось ехать автобусом/троллейбусом. Вначале это не было проблемой. Особенно в тёплое время года. Правда, зимой, когда все укутаны, свободное место в транспорте резко сокращалось. Но терпеть было можно. Однако, вскоре институт стал расширяться, появились филиалы в разных концах города. И начались мучения – две лекции в основном здании, далее форточка и лекция на окраине города, потом опять форточка и снова лекция, но уже в другом удалённом районе. Жена замучалась мотаться по городу, а когда началась поздняя осень и за ней зима, то взвыла и потребовала машину. Делать нечего и мы купили задрюпанный «Опель». Задрюпанный потому, что я, зная жену по велосипеду, понимал – живым он долго не протянет.

Для того, чтобы сесть за руль надо получить права. А чтоб их получить, надо пройти обучение и сдать два экзамена. Первый – теория, второй – вождение. И жена отправилась на Голгофу. Первое занятие. В группе коллеги возраста... все поголовно годились в дети, некоторые были близки к внукам. Преподаватель, войдя в класс и увидев жену, покачнулся, но сдержался. Жена же видя такую реакцию, поклялась страшной клятвой, что будет лучшей ученицей. И таки стала, чем заслужила глубокое уважение у преподавателя и не менее глубокое изумление у детишек. Теорети-

ческий экзамен она сдала блестяще и преподаватель просто сиял, ставя её в пример всей школе. Вождению училась она истово, но жаловалась, что инструктор не владеет педагогическими навыками и ей приходится трудно. Поэтому, накануне сдачи экзамена, она созвонилась с нашим другом Санькой, известному по моим предыдущим вкралям человеку с внешностью уголовника и сердцем ангела, и попросила поехать с ней по городу. Он опрометчиво согласился и они поехали. Вернулись через часа два. Жена бледная и всколоченная, Санька со странным выраженьем лица и абсолютно мокрой спиной. Оказалось, что Санька как педагог уступал инструктору из школы многократно. Жена же впервые выехала на круг. Как его проезжать её естественно не учили, и она двигалась по собственному разумению. Сашка же вместо обучения высунулся из окна и извинялся налево и направо перед разъярёнными участниками движения. Такое повторялось всю дорогу, и под конец он взмолился о возвращении в стойло. На следующий день я провожал жену на сдачу экзамена как провожают приговорённого на эшафот. Сам же тут же напился, так как ожидал полного и позорного фиаско. К моему изумлению жена вернулась, держа в руках вожденный документ. Но на мои расспросы как всё прошло, отвечала уклончиво и тут же прошелестела на кухню, где мы обмыли права. Прошла пара дней и вот наступил торжественный момент – выезд на работу на собственном автомобиле. С содроганием я попрощался, надеясь, что современ-

ная медицина творит чудеса, а машина... ну и хрен с ней! Лишь бы живая! На всякий случай накрыл стол, достал бутылку водки и уселся у окна. Через несколько часов, о чудо! во двор въехал «Опель», из него вышла жена. Сама, без помощи и без костылей! Я открыл дверь. Вошла любимая. По её виду было впечатление, что не она на машине, а машина на ней каталась всё это время. Мы прошли на кухню, я разлил водку, жена пыталась выпить, но рука так дрожала, что мне пришлось влить водку ей в рот самому. Руки стали дрожать меньше, вторую, третью, четвёртую и пятую она опрокинула сама.

– Ну, как?

– Нормально, – ответила она и опустила личико в салат...

Долгое время я не рисковал сесть на пассажирское сидение, но, наконец, пришлось. Жена попросила покататься с ней по городу для закрепления навыков и заодно ознакомиться с некоторыми ранее недоступными районами города. Скажу сразу, если на мне были памперсы, я бы уссался, а возможно и обосрался. Только их отсутствие помогло мне сдержаться. Я вёл себя как последняя скотина – кричал, что она ни хрена не видит, что она не понимает куда едет и тому подобное. Довёл бедняжку да слёз, ирод! Но постепенно жена водила всё лучше и лучше и мы, наконец, предприняли поездку на дачу. Как ни странно, доехали. Понравилось и мы поняли, что наша жизнь вышла на новый уровень. Я же водить машину не собирался и блаженствовал на пассажир-

ском сидении. Правда периодически доводил жену до слёз, так как не мог понять – как можно ехать и не видеть ничего вокруг! Эх, знал бы кот, как отольются ему мышкены слёзы.

И, если вождение жена довольно быстро освоила и уже лихо гоняла по городу, то две проблемы мешали ей ощутить полноту счастья владелицы собственного автомобиля. Первая проблема была – ГАИ.

Если бы я своими собственными глазами не видел последствия появления сотрудников ГАИ на горизонте перед ма-

шиной с женой за рулём, ни в жисть бы не поверил. Судя по всему обе они – жена и машина настолько боялись ГАИ, что при его виде обе впадали в ступор. Машина глохла, жена окаменевала. Причём в независимости от места встречи. Один раз прямо на круге. Тщётно жена пыталась завести машину, та прикинулась мёртвой и не отзывалась ни на ключ зажигания, ни на мольбы водителя. Гаишник, узрев непорядок, подошёл к машине и поинтересовался у жены, кого она ждёт в неподобающем месте. Жена жалобно:

– Она Вас испугалась и заглохла.

Гаишник вытаращился на жену. Тут я напомним, что на вид моей любимой всегда было лет на... много меньше, чем указывалось в паспорте, а голосок – как у нашкодлившей пятиклассницы. Гаишник сначала было подумал, что несовершеннолетняя хулиганка угнала машину и не умеет управлять. Потребовал документы, внутренне ахнул, увидев дату рождения и должность (жена лихо подсунула профессорское удостоверение). Потом ещё раз переспросил причину остановки. Жена повторила, потом слёзно попросила гаишника отойти так, чтобы машина его не видела. Тот покрутил пальцем у виска, но отошёл. Машина тут же завелась и они вместе с женой благополучно смылись. Так продолжалось пару лет, но в конце концов и жена и автомобиль привыкли к виду ГАИ и уже спокойно проезжали мимо. Тем более, что жена быстро научилась отмазываться от наказания в случае нарушения ПДД. Её коронное выражение:

– Что-то мне Ваше лицо знакомо. Вы, случайно не учились у меня?

Она преподавала в нескольких ВУЗах, в которых учились в том числе и мвдэшники. Поэтому зачастую нарывалась на тех, кто её узнавал. В других же случаях гаишники на всякий случай ограничивались внушением и за многие годы талон жены сохранил свою невинность, как сохраняли свою, известные весталки в течение тридцатилетнего срока службы.

Как я писал выше, проблемой у жены был топографический дигбилизм. Он проявлялся как и за рулём и в пешем строю. У нас в семье даже было такое определение: сто восемьдесят градусов. Его появление связано с тем, как жена определяет направление собственного движения. Например, мы идём по улице. Магазин. Естественно, заходим внутрь. Выходим. В 99 случаях из ста жена вместо того, чтобы продолжать движение, поворачивает в противоположном направлении. Я ржу.

Она:

– Что, опять?

– Да, сто восемьдесят градусов. Т.е. разворачивайся...

На машине и того хуже. Помню как-то раз она меня высадила на кольцевой. Я пошёл по делам, она – домой. Через полчаса я звоню по мобильному. Без ответа. Ясный перец, сунула телефон в сумочку, сама на кухню. Звоню через час по домашнему. Без ответа. Ещё через полчаса по обоим.

Без ответа. Я в панике. Прошу приятеля подбросить к дому. Во двор мы въезжаем одновременно с женой. Оказалось, что она трижды проехала по кольцевой, пока не сообразила, где надо таки съехать на дорогу к нам! Я спрашивал, как она ориентируется в городе, если не имеет никакого представления о его географии.

– По направлениям, отвечает. – Прикидываю приблизительно куда мне надо и еду. Правда приходится крутиться, но ничего, как видишь рано или поздно, но до места доезжаю.

Ещё хуже дело обстояло в лесу. У нас рядом с дачей небольшой лесной массив. С одной стороны его болото, с другой шоссе, с третьей – дорога от шоссе к дачам. Треугольник шириной не более километра в самом широком месте. Заблудиться невозможно. Тем более, что недалеко железная дорога – прекрасный звуковой ориентир. Всё равно – пошла за ягодами, а через час звонок по мобильному:

– Ой-ой! Заблудилась! Выручай...

И как тут не вспомнить анекдот:

После двухчасовой езды с женщиной, навигатор спросил:

– Ну, и где мы?

Однако, эту проблему решили просто. Я научил её пользоваться компасом и всё стало на свои места. А вот с автомобилем компас не подмога, с навигатором одной трудно. Поэтому я теперь по большей части сижу на пассажирском сидении с навигатором в руках и работаю штурманом.

Случилось так, что мы провели весь уикенд на даче и только собрались ехать домой, как жена подвернула правую ногу. Да так, что вести машину стало проблемой. Решили заночевать до понедельника – авось за ночь полегчает. Компрессы, магнит и впрямь поутру она уже смогла доковылять до машины. Доехали. С трудом, но доехали.

– Так вот что, милый, – заявила жена, – завтра же шагом марш на курсы. Получишь права, а иначе в машину больше не сядешь.

Куда деваться, машина её и я подчинился. На курсах полностью повторилась история моей жены – вид бородатого седоватого престарелого марксиста огорошил преподавателя и потряс детишек, которые попали в одну со мной группу. Я, следуя примеру жены, учился на отлично и без проблем сдал теоретический экзамен. Правда, занятия по вождению меня удивили. Мы в основном ездили в окрестностях школы по частному сектору. Конечно, когда я первый раз сел за руль и двинулся на второй передаче со скоростью асфальтоукладчика, мне казалось, что я просто лечу над землёй. Потом постепенно привык и уже лихачил на третьей передаче со скоростью велосипедиста. Тем не менее, на более загруженные трассы инструктор меня не пускал и учил в основном на полигоне как заезжать на эстакаду, въезжать задом в гараж или парковаться боком. Эти нехитрые упражнения я быстро освоил и пребывал в заблуждении, что экза-

мен на вождение сдам на раз. Эх! Наступил день сдачи. Жена перекрестила, поцеловала, и я прибыл на площадку. Стандартные упражнения я прошёл почти без помарок и мы, наконец, выехали в город. Причём не просто в город, а на улице, на которой от машин мельтешило в глазах. Я напрягся. Тут инструктор направил меня к т-образному перекрёстку и предложил развернуться. Я ни сном, ни духом не ожидал такой подлянки. Во-первых я просто не знал, по какой полосе надо приближаться для разворота. Во-вторых, совершенно не понимал, как собственно говоря, надо двигаться на развороте. Короче, я наехал на поребрик, чуть не создал аварийную ситуацию и на этом экзамен провалил полностью. Вышел из машины и отправился узнавать, когда пересдача. Уши горели от стыда, готов был провалиться сквозь землю. Меня встретил преподаватель.

– Ай, ай, что Вы так? А я считал Вас лучшим учеником.

– Что говорить, облажался...

Тут он посмотрел на меня, потом открыл папку, достал права, протянул мне:

– Ладно, получите. Только из уважения к Вам и Вашей профессии (я как обычно наплёл ему в начале знакомства три короба про ядерные дела) отдаю права. Но даю совет – тренируйтесь, тренируйтесь. Выезжайте в город рано утром, пока движение небольшое или вечером.

Счастливый я помчался домой. Ждала жена и накрытый стол.

– Получил?

– Получил, – ответил сияя.

– Ну, как прошло?

– Наливай, щас расскажу.

Я опрокинул рюмку и рассказал, как было в действительности. А жены хмыкнула и сообщила, что ей тоже права дали из жалости после того как она не прошла ни одного упражнения. Мы напились.

Несмотря на полученные права, сесть за руль я не спешил. Прошли рабочие дни, и мы двинулись на дачу. Проехали Марьину Горку, жена и говорит, что пора мне попытаться. Я сел на водительское место и тронулся. Точнее, попытался тронуться. Жена заржала. Надо сказать, что учился я на «Жигулях», а тут иномарка. Ладно, с третьей попытки тронулся. Пока на второй передаче и жмусь к обочине. А впереди, мать его, трактор. Двигается еле-еле. Жена понукает, дескать, обгони. В общем, не хочу вспоминать позора своего. А жена отвязалась по полной. Так издевалась, что чуть меня до слёз не довела.

– Теперь понял, гадёныш, каково мне было! Вот побудь в моей шкуре, а я посмеюсь.

Она сдержала обещание и перестала издеваться лишь, когда я начал более или менее нормально водить. К счастью, у мальчиков чувство вождения врождённое и мой процесс становления водителем собственного автомобиля прошёл довольно быстро. Гораздо быстрее, чем у жены.

С автомобилем жизнь наша преобразилась. Жена лихо моталась по городу, я же в основном сидел за рулём при поездках на дачу. Работал я в то время в десяти минутах ходу от дома и в машине не нуждался. Постепенно «Опель» стал отдавать концы – сказались многочисленные его неожиданные встречи с различными объектами типа столбов, деревьев и прочих торчащих в неположенных местах подобных предметов. Наконец мы его спихнули за гроши и купили «Рено», который по благу мне пригнали друзья моего шефа. Машинка оказалась как новая и мы не могли её нарадоваться. Она верно отслужила положенные годы и наступил момент, когда в силу существенного улучшения нашего материального положения мы решили купить новую машину в салоне. Поскольку никаких предпочтений у нас не было за исключением одного – «Опель» больше никогда, то мы просто пошли по разным салонам. Мы решили положиться на предложения дилеров в пределах суммы, выделенной на покупку. И тут началось... Но сначала небольшое отступление. После того, как я «завязал» с госслужбой и перешёл в частную фирму, моё представление о требованиях к сотрудникам претерпело существенное изменение. Ну, чем я мог угрожать своему подчинённому в госучреждении, если он лодырь и бездельник? Выговор, лишение копеечной премии... Уволить? Ага, замучаешься пыль глотать! Легче самому слинять по собственному желанию, чем уволить кого-нибудь. Или, наобо-

рот, если он пашет как раб на галерах, чем его поощрить? Той же копеечной премией, благодарностью или Доской Почёта... А вот в частной фирме, мне казалось, всё проще – плохой – вон, хороший – на тебе двойную зарплату. И я стал гонять своих сотрудников в три шеи. Причина гонять была простая: мы производили приборы радиационного контроля, которые были сами по себе довольно сложными устройствами, но кроме этого, их применение требовало серьёзных знаний. А мои сотрудники должны были эти приборы втюхивать самым разным потребителям, в том числе тем, кто сам мало понимал в них. Поэтому я неукоснительно требовал от своих подчинённых знать каждый прибор, все особенности его применения, почему именно наше оборудование лучшее, а, следовательно, точно также знать приборы конкурирующих фирм. Чтоб, значит, ночью растолкаю и они должны были, как «Отче наш», выдать всю информацию. Гонял я сотрудников ещё и потому, что все они имели далеко не профильное образование, в лучшем случае техническое, но в основном гуманитарное или в том числе и пресловутый кулинарный техникум. Особенно придирчив я был на выставках у нашего стенда. И горе было сотруднику, который не смог правильно ответить на вопрос или, не дай бог, ошибиться в характеристиках прибора. Бил таких нещадно финансово, а парочку выгнал с позором.

И вот первый салон. Первый, потому что ближайший к дому. Заходим, навстречу барышня с ногами и бюстом.

– Что изволите? – вежливо спрашивает.

– Автомобиль изволим, – отвечаем мы с женой дуэтом. –

Вот такой, например.

И пальчиком жена тыкает в симпатичную машинку. Прекрасно, голосом тёти Вали из «Спокойной ночи, малыши», говорят ноги-сиськи. И тут вступаю я с вопросами. Простенькими, но по существу машины. Барышня смотрит на меня с лёгким недоумением и говорит, что сейчас позвёт специалиста. Интересно, подумалось, а она кто в таком случае? Может жена специалиста или уборщица. Хотя с такими ногами-сиськами скорее любовница владельца салона. На сцену вышел специалист. По виду то ли десятый класс, то ли первый курс института. Я повторяю вопросы. Специалист морщит лоб, начинает отвечать, но даже мне, который мало что понимает в автомобилях, ответы кажутся весьма сомнительными. Я вслух выражаю сомнение. Тогда специалист достаёт мобильный телефон и звонит куда-то. Видимо специалисту более высокого класса. Пятикурснику, к примеру. Наконец, ответы получены и я приступаю к более углубленному исследованию характеристик машины. Увидев лица специалиста и ноги-сисек, мы круто разворачиваемся и покидаем салон. Вы не поверите, аналогичная картина в четырёх следующих салонах. Менялись длины ног, размер груди, возраст «специалистов». В последнем салоне я вообще впал в прострацию. Нет, специалист попался более-менее подкованный и довольно удовлетворительно ответил на мои во-

просы. И тут я спросил, где мы собственно говоря можем воочию познакомиться с машиной. Оказалось, что... нигде. В салоне они не держат, на складе нет, даже нет в ремонте. Что же они такое продавали, уму непостижимо. Кстати, когда позже мы таки узрели автомобиль этой марки на улице и осмотрели, то истово перекрестились, что сбежали с того салона. Что делать? Оставался один салон на окраине. Тут позвонил один наш приятель и между делом я ему пожаловался на проблему.

– Не беда, давайте я с вами подъеду. Ждите, через десять минут подскочу, – выдал благую весть наш очередной ангел.

И впрямь, подскочил и мы добрались до салона. Едва мы вошли внутрь, как нас встретил... по виду клерк средней руки в приличной фирме. Стандартный разговор и едва я открыл рот с заготовленными вопросами, как «клерк» сам спросил меня, типа на хрена мне машина и что я с ней собираюсь делать. В смысле – катать любовницу, ездить за грибами, участвовать в ралли Париж – Дакар... Я кратко описал наш с женой взгляд на собственный автомобиль и «клерк» тут же заявил, что может предложить машину в полной мере соответствующую наши представлениям.

– Поэтому, продолжил он, – предлагаю тест-драйв.

– Кудой? – поинтересовался я слегка ошарашенно.

– Сюдой, – клерк открыл перед нами дверь салона и подвёл нас к автомобилю. Жена села за руль. Мы с приятелем на заднее сидение, «клерк» – рядом с женой. Поехали.

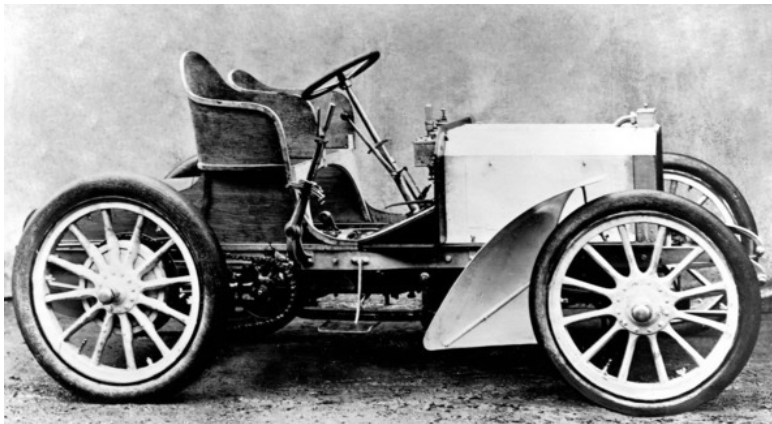
Не успели мы проехать и сотню метров, как жена воскликнула:

– Заверните, берём!

Тем не менее, мы прокатились с пару километров ещё. В процессе движения «клерк» подробно объяснял жене за что дергать и куда нажимать, параллельно отвечая на многочисленные наши с приятелем вопросы. Вернулись и за какие-то полчаса покупка была оформлена. Оставалось подождать месяц, пока нам нашу машину соберут на заводе в Германии и доставят чуть ли не к дому. Прощаясь, я спросил у «клерка» что он кончал.

– Физфак!

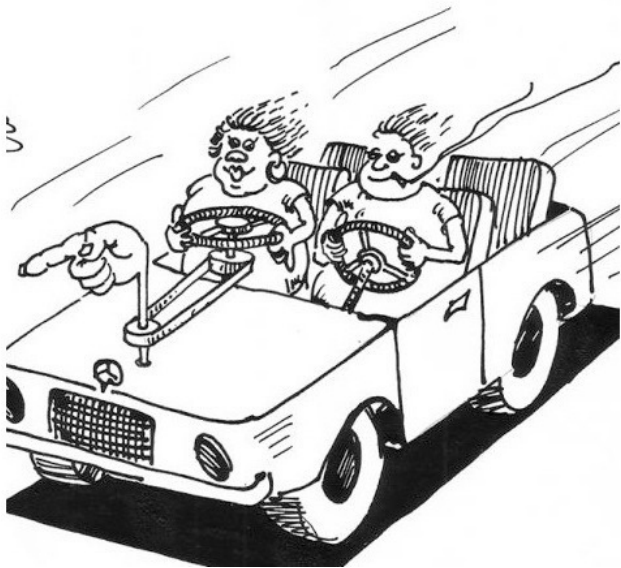
То-то же!

Машина оказалась то что надо! Мы на ней первое время гоняли везде, где только можно было. Чуть ли не в сортир на даче, так она нам нравилась. И тут мы поняли, что пора реализовать давнишнюю мечту – в заграницу на собственном автомобиле! Про первую поездку я уже писал, повторяться не стану. Скажу только, что со страху решили ехать двумя машинами с парой наших приятелей. Маршрут был короткий – Польша и обратно. Да и по самой Польше старались передвигаться огородами, т.е. по второстепенным дорогам. Оказалось, что зря. Автострады там отличные, водители вежливые, видят что не местные и не сигналият, если мы что-то не так делаем. Тем не менее, какой-никакой опыт приобрели, расхрабрились и решили поехать по самой романтической дороге Германии от Вюрцберга до Фюссена, где находится самый известный, самый романтический замок Европы – Нойешванштайн. Время мы выбрали до начала лета. Точнее, июнь. Вы спросите, а что, июнь это не лето? Нет. Для нас лето начинается в сентябре, когда уезжают домой внушки, выданные нам на выпас на даче в конце июня, который почти целиком мы тратим на подготовку к выпасу. Зато весь сентябрь нежимся на море, жалея лишь о том, что наше лето такое короткое...

В этом году подготовку закончили раньше, к концу второй декады и с чистой совестью направились на запад. Весь маршрут разбили на отрезки по 500—600 км с надеждой вести машину по очереди. Жена за рулём на тех отрезках пути,

где требовалось штурманское сопровождение, а я там, где дорога была прямой, как путь праведника в рай... или грешника в ад. В качестве штурманского инструмента был навигатор. Забегая вперёд, если бы не он, чёрта с два мы бы добрались даже до первой ночёвки. Я вообще не понимаю, как раньше водители обходились без этого прибора! Как известно, в навигаторах можно выбрать любое голосовое сопровождение. От Ленина до Путина. Мы, перебрав разные варианты, остановились на приятном женском голосе, который в меню идентифицировался как Наталья. Всё нам нравилось, хотя иногда складывалось впечатление, что сидящая внутри инструмента «Наташка» периодически впадала в дурное настроение и пыталась играть роль Ивана Сусанина. Логика её действий в таких случаях была непонятной и непредсказуемой. Точь-в-точь, как у моей жены при совместных походах по магазинам. Помню однажды мы решили съездить в один из городков в паре сотен километров от нашей дачи. Всё шло отлично, пока Наташка вдруг не предложила свернуть с шоссе на второстепенную дорогу.

Семейный навигатор

– Наверное, предлагает сократить путь, – с благодарностью подумал я. Второстепенная дорога сначала была с асфальтовым покрытием, потом превратилась в гравийку, потом в просёлок, который вывел нас к мосту через реку, который был взорван немцами при отступлении в сорок четвёртом году... Чертыхаясь и обзывая Наташку всеми печатными и непечатными словами, мы вернулись к шоссе. Минус полтора часа! Подобное случалось на раз и в наших путешествиях. И, хотя наученные горьким опытом, мы старались предо-

храняться от таких вывертов, Наташка умудрялась вредить и заводила в такие дебри, что чудом было наше возвращение домой. Так, однажды, мы пересекали Чехию и должны были выехать к границе с Австрией. Шло отличное шоссе и судя по направлению движения ничто не предвещало никакой подянки. Более того, до Австрии было не более десятка километров. Перевалив через очередной холм мы подъехали к опушке леса, где отличное шоссе просто обрывалось. Вправо отходила то ли тропа, то ли узкая дорожка. Что делать? Возвращаться? Так это с полста километров. Ладно, свернули на тропу и на скорости неспешащего пешехода двинулись. Причём зараза Наташка показывала, что мы движемся в правильном направлении! Так проехали пару километров. Потом тропа свернула на поле и пропала. Но вдали виднелись какие-то строения и мы устремились к ним по стерне. Ну, слава богу, хоть будет у кого спросить! Подъехали. Несколько сараев и никого. Но, к счастью, тропа вернулась, превратилась в более-менее наезженную тракторами дорогу и вскоре мы таки выбрались в цивилизацию. Это было первое зарубежное приключение с навигатором, которое продолжалось недолго и мы не успели реально напугаться. Зато следующее в Румынии до сих пор бросает в дрожь при воспоминаниях. Мы возвращались домой после путешествия по фантастической дороге – знаменитому Трансфэгэрашскому шоссе. Дорога шла в сторону Венгрии, где мы собирались переночевать. Обычное шоссе. Я полудремал с навигатором, вела

жена. Местность холмистая, дорога извиваясь шла то вверх, то плавно спускалась вниз, а Наташка предупреждала когда и куда поворачивать. Мы проезжали небольшие деревеньки, дорога слегка сузилась, но покрытие было хорошим и ничто не предвещало проблем. Но при выезде из очередной деревни дорога оборвалась, а впереди мы увидели засыпанную неровными кучами щебёнки что-то вроде просеки. Жена ойкнула и остановилась. Что делать? Ведь мы уже ехали почти три часа и возвращаться назад означало, что засветло до ночёвки мы не доберёмся. Скотина Наташка уверенно требовала продолжать путь. Мы рискнули и медленно потащились по этой ослиной тропе. «Просека» шла через лес, то подымалась круто вверх по холму, то ныряла вниз. Вскоре мы поняли, что даже если захотим вернуться, то у нас ничего не получится – развернуться не было никакой возможности. И – главное – ни души, ни звуков. Так продолжалось около часа и даже я почти отчаялся, как вдруг впереди появилась загородь, за ней были видны дома и, о счастье! – легковые машины. Значит, таки здесь кто-то ездит. Ещё десять минут и тропа вывела на плохо заасфальтированную деревенскую улицу. Нам она показалась лучшим немецким автобаном! Мы успели добраться до отеля почти вовремя. Пришлось по дороге заскочить в магазин и купить бутылку вина, а то бы не уснули. Похожий случай был в Италии. Но мы там встряли по собственной жадности. В тот год мы решили возвращаться домой из Венгрии не напрямую, а через

Словению и Италию. Почему из Венгрии? Да там ежегодно мы проводим пару недель на знаменитом термальном озере в Хевизе. Жена по причине последствий занятий спортом, а я за компанию. Как правило после такого лечения-отдыха мы стараемся посмотреть что-нибудь интересное по дороге. А так как у меня была мечта посетить Сиену, то маршрут шёл через Люблян, Феррару, Сиену, Пизу, Милан и далее через всю Европу до Минска. Автострады в Италии платные. Дерут много и часто. И вот, наконец, нам осточертело сыпать еврами в итальянскую казну. Жена предложила отключить в навигаторе автострады и платные дороги. Страна-то приличная и ослиных троп как в Румынии здесь не может быть. Судя по голосу Наташки, она обрадовалась и злорадно затаилась, так как, вероятно, знала, куда нас заведёт, зараза! Мы свернули с автострады и поехали мимо знаменитых мраморных карьеров Каррары, где ещё Микеланджело искал мрамор для своих шедевров. Дорога была невероятно живописна. Мы подымались в гору и добрались до перевала, откуда открывался дивный вид на окрестности. Не знаю почему, может по рекомендации моего внутреннего голоса, я предложил жене отдохнуть на пассажирском сидении, а сам сел за руль. Дорога пошла вниз. До первой деревни мы резво доехали за минут сорок. А вот дальше... Дальше дорога пошла по краю глубокого ущелья. Причём оно было со стороны жены. А само шоссе превратилось в почти велосипедную трассу. На ней место было только нашей машине. Итак –

справа ущелье, слева скала. Жена постоянно видит пропасть, я же молю бога, чтоб не было встречного транспорта. Не разминёмся! И ведь ни одного кармана слева в скале, чтобы хоть туда вжаться. Как сказала моя жена, когда мы спустились вниз и выехали на автостраду, её спасло отсутствие памперсов! Если бы были, то точно бы уписалась. По её словам так она не боялась с тех времён, когда согласилась выйти за меня замуж... Теперь мы опытные. Я не только прокладываю дорогу по навигатору, но и по гуглу просматриваю путь со спутника. И когда вредная Наташка пытается нас сбить с хорошей дороги на очередную ослиную тропу, я её отключаю, чтобы не слышать причитания «Вы ушли с маршрута, вы ушли с маршрута...»

Но это всё было в будущем, а сейчас мы полные энтузиазма пересекли границу с Польшей, въехали в шенгенскую зону, гордые и бесстрашные уверенно двинулись в сторону Германии. Польша нам была уже знакома, тем более, что до границы с Германией шла прекрасная автострада. И к тому же один мой приятель снабдил нас важной информацией. Оказалось, что между нашей страной и Евросоюзом нет общей базы данных нарушений. Т.е. наш номер авто не идентифицируется местными ГАИ. Это означало, что главное не нарушать одиннадцатую заповедь – не попадаться полиции на дороге. А фотофиксации за нарушение скорости или штрафных квитанций за парковку в неподобающем месте

можно не бояться. Особенно это всё обрадовало мою жену склонную нарушать любые установленные правила – от перехода улицы на красный свет до езды зайцем в общественном транспорте. Как известно, в Германии нет ограничений скорости на автобанах. По этой причине в крайнем правом ряду едут фуры и водители преклонного возраста с проблемами зрения, головы, слуха и прочих частей организма. В среднем ряду основная масса автомобилистов, а третий ряд – для опаздывающих на кладбище на собственные похороны. Мы заняли средний ряд и полетели вперёд. И вот тогда в первый раз мы столкнулись с вредной Наташкой в реальных экстремальных ситуациях. Нет, она не вредничала и не пыталась завести нас в местные дебри, а просто проявилась особенность навигатора. Он запаздывал, совсем не намного, может на пару секунд. А теперь прикиньте, что такое две секунды при скорости сто двадцать километров в час. Не много ни мало, а около семидесяти метров. Поэтому, когда нам приходилось сворачивать на съезд с автобана я просто не успевал среагировать и мы проскакивали мимо. По привычке я орал «Стой!», жена тормозила, к счастью не создавая проблем идущим сзади. Но что делать, не развернуться же и тем более не ехать сотню метров задом! Приходилось пилить вперёд иногда с полсотни километров до места разворота. Естественно, что я кричал на жену, что она медленно реагирует, она в ответ, что я последний мудака и не могу заранее предупредить. Так случалось по несколько раз в день и на вопрос

друзей по возвращению «Как поездка?», жена отвечала: «Если бы на дороге встретился ЗАГС, развелись бы точно!!!». Тем не менее потихоньку осмотрелись, научились, привыкли и к концу поездки встреча с ЗАГСом уже не грозила бы развалом семьи.

А дорога оказалась сказочной! Вот только тогда мы наконец поняли, что автомобиль не роскошь, а роскошное средство для путешествий! Два десятка очаровательных городков нанизаны на эту романтическую дорогу. Некоторые совсем небольшие и за пару часов можно обойти их по кругу. Кое-где даже по крепостной стене. Другие побольше и одного дня может не хватить. Но мы предварительно определились с ночёвками так, чтобы от отеля могли поехать назад-вперёд пару дней, захватив несколько городков. Но среди всех этих красот особо выделялся Роттенбург-ам-дер-Таубер. Городок лишён обычных признаков современности. Ни растяжек, ни надоедливой рекламы на улицах, ни проводов между домами – только старина, но отреставрированная и выглядывшая как-будто отстроенная на днях. Мы провели там целый день и могли бы остаться ещё, но впереди был Фюссен с замком Ноейшванштайн. Впечатление от красот частично испортилось в результате нечаянной встрече на крепостной стене. До этого момента мы не встречали соотечественников, а тут группа говорящих на русском языке. Я всегда пристаю к таким с вопросом дескать откуда,

куда, как сюда попали. И сейчас я сияя на всю рожу обратился к ближайшей ко мне даме неопределённого возраста. Та посмотрела на меня печальными глазами и ответила, что они из Донецка и что завтра должны возвращаться самолётом, но вчера началась бомбёжка аэропорта и что делать они не знают. Куда возвращаться или не возвращаться... Я дико смутился и, кажется, даже покраснел второй раз в жизни. Извинился и мы отошли. Ну, что можно было сказать этим несчастным... Подавленные мы сели в машину и двинулись дальше. Я был потрясён. Много лет назад, когда я был старшим школьником или позже студентом, мне приходилось попадать за один праздничный стол с людьми гораздо старшими меня, даже просто пожилыми. И по каким бы поводам не было то застолье, один тост звучал всегда: «Выпьем за то, чтоб никогда больше не было войны». Я выпивал, внутренне посмеиваясь над, как мне казалось, не вполне уместным тостом. А тут вдруг на Украине, там, где моя тёща каждое лето пасла нашего сына, где я всегда чувствовал себя как дома, где жили наши люди, те самые, которые победили в последней войне, которые просто жили и радовались жизни, там началась настоящая война. Я не мог уснуть, всю ночь ворочался и заснул только под утро. Жена тоже промучилась всю ночь, ведь это была её родина...

По дороге мы в основном ночевали в деревнях в небольших уютных отельчиках с традиционными немецкими ре-

сторонами. Чем дальше мы углублялись в провинциальную Германию, тем больше убеждались в своём первом впечатлении: Deutschland uber alles! – Германия превыше всего с точки зрения путешествия на машине по сравнению со всеми другими европами. Прекрасные дороги, ухоженные городки и деревни, качественное и сравнительно недорогое питание. Это впечатление усиливалось с каждой новой поездкой по стране, особенно когда мы заезжали в Германию со стороны какой-нибудь очень благополучной соседней с ней страны. Помню много позже мы по дороге из Италии завернули в Лихтенштейн. До этого из всех карликовых государств мы были в Сан-Марино и, конечно, в Ватикане. Вадуц, столица Лихтенштейна по размерам была близка к нашему садовому товариществу. Пара улиц, коровы на окраине, музей и административные здания, живописные виды заснеженных гор вокруг. Решили пообедать. Жена большая поклонница пиццы и первой на пути к желудкам оказалась пиццерия. Я взял меню и... глаза полезли на лоб. 17 франков т.е. 17 долларов по сравнению с обычной европейской ценой в пять максимум шесть! Ладно, завернули в соседний ресторан. Меню. Основное блюдо глубоко за тридцать...

– Нет уж, – заявила жена, – пойдём в машину, там кефир и пара бутербродов. За такие деньги мне кусок в горло не полезет.

Мы перекусили и отправились дальше, в Германию. Отель на краю деревеньки. Очень живописное место, рядом цер-

ковь, окружённая цветущими деревьями. Погуляли и в ресторан. Ужин из двух огромных порций свинины с тушёной капустой и прочими гарнирами плюс две большие кружки восхитительного тёмного пива аккурат в три четверти цены одного самого дешёвого блюда в Лихтенштейне. Дело даже не в цене – вкуууснооо, почти как дома! И так везде. В самом затрапезном городишке, в самом невзрачном ресторанчике гарантирована вкусная пища, а в отельчике чистота и уют. Что ещё надо двум измученным советским сервисом путешественникам!

И вот, наконец, Фюссен. Предгорья Альп, отель с видом на заснеженные вершины (конец июня). Хозяйка сообщила, что сейчас не сезон и она может предложить билеты в замок на завтра утром.

– А в сезон? – поинтересовался я.

– В лучшем случае через пару недель. И вообще, все заказывают билеты по интернету. Вам же повезло, сегодня и завтра здесь праздник охотников и всем не до замков.

Отлично, времени навалом и до завтра мы смогли не только погулять по милейшему городку, полюбоваться на шествие многочисленных обществ охотников со всей Баварии, но и посетить основную достопримечательность Фюссена – монастырь св. Манга, где находятся двадцать росписей знаменитой «Пляски смерти».

И, наконец, замок. Нет смысла его описывать – любой может найти кучу фотографий и описаний в интернете. Скажу

лишь, что для моей романтической души посещение самого романтического замка в мире было истинным наслаждением. В рамках экскурсии сначала мы посетили замок Хоэншвангау, в котором были росписи одного из самых любимых наших художников Морица фон Швиндта, а потом на автобусике поднялись в горы. Далее полкилометра пешком и мы на месте. Здесь я останавлиюсь, так как выплёскивать на бумагу восторженные вопли смысла нет. Это как пытаться рассказать о вкусе устриц тому, кто их не пробовал. Так и здесь, никакие фото, фильмы и восторженные рассказы счастливых, посетивших это место не заменят собственного впечатления.

На следующий день мы развернулись в обратном направлении. Два дня пути и мы дома. Успех нашего реально первого путешествия окрылил нас и с этого года мы стали заядлыми автомобилистами, забыли про поезда и почти перестали летать самолётами.

Чур меня, чур...

Я всю жизнь был и есть атеист, как впрочем, и всё моё семейство. Правда мой атеизм не касается вопроса, есть Бог или нет. Законы природы не отрицают его существования,

но и не подтверждают сей факт. Для меня неважно наличие или отсутствие Бога, важно отношение к письменным источникам, которые были созданы людьми и за многие столетия постоянно дополнялись, искажались или редактировались. И в этом смысле я атеист. Также, я не суеверен, чёрных кошек не боюсь, через плечо не плюю, но на всякий случай стараюсь этим своим несуетверием не злоупотреблять и не браковать. И поэтому иногда при взлёте и посадке самолёта пальцы крестиком складываю. Мало ли...

С другой стороны как все нормальные люди в детстве истово верил в деда Мороза, гномов, леших, русалок и прочих волшебных существ. Постепенно по мере взросления к великому моему сожалению эта вера стала потихоньку уходить и к совершеннолетию почти улетучилась. Лишь маааленькие её остатки спрятались где-то глубоко и затаились, ожидая какого-нибудь удобного момента, чтобы напомнить о себе.

Исчезновению этой детской веры, конечно, в полной мере способствовала коммунистическая идеология и материалистическое мировоззрение. Начиная с пятого класса школы по последний курс университета в мою голову вбивались эти принципы. В те годы господства этой идеологии всякая мистика ушла глубоко в подполье. Где-то там далеко существовали гадалки и экстрасенсы, ясновидящие, ведьмы, снимающие и наводящие порчу и прочие, прочие... Но к концу восьмидесятых на фоне расцвета застоя, наступления всеобъемлющего дефицита и полного разочарования населения в пе-

рестройке вся эта мистика полезла из всех щелей. То было время бурного расцвета всего потустороннего и на экранах телевизора царили Кашпировский, Чумак и им подобные.

Я на всё это, как говорится, клал с прибором и особого внимания не обращал. И у нас же в Минске под впечатлением этих сеансов расплодились их последователи. Однажды, моя жена предложила сходить к такому «целителю». Я бурно сопротивлялся, но, в конце концов, уступил. Дело происходило вечером в одной из школ неподалёку от нашего дома. В коридоре перед кабинетом сидел десяток страждущих. Они с интервалом пять – семь минут заходили в кабинет. Возвращались, и кто сиял, а кого можно было тут же укладывать в гроб. Подошла очередь жены. Она застряла там почти на четверть часа и, когда я уже намеревался сунуться в дверь, как она вышла со странным выражением на лице. Такое появлялась у неё, когда она решала что со мной делать: убить на месте или дать ещё помучаться. Я зашёл. За столом напротив двери располагался серенький мужичок в очках. Он предложил сесть на стул, что был в трёх метрах от стола. Спросил, на что я жалуюсь. Я путанно ответил, что на вот тут, очертив пальцем круг, охватывающий живот, пол груди и даже часть интимного органа. Мужичок понимающе кивнул головой, опустил правую руку ниже столешницы и сделал ею несколько круговых движений. Потом выставил ладонь в моём направлении и сделал несколько движений, буд-

то кидает в меня что-то невидимое.

– Ну, чувствуете тепло? – слегка замогильным голос, чуть подвывая спросил целитель.

– Нет, – честно ответил я.

Мужик повторил пассы ещё несколько раз.

– А сейчас?

– Нет.

Он опустил руку опять вниз и крутил ею уже заметно дольше. Потом опять сделал несколько пассов в моём направлении.

– Ну, а теперь? Должно быть ощущение тепла!

– Нет.

Мужик слегка растерянно посмотрел на меня, потом на руку. Сунул её под стол и стал крутить минуту, а то и две. Вытащил и с такой силой метнул в меня невидимую энергию, что если бы вместо неё был каменюка, меня бы снесло со стула и впечатало в стену.

– А сейчас! – чуть ли не возопил целитель.

Я сжалился над ним и сказал, что сейчас вот тут, показав место в районе печени, что-то есть. Мужичок облегчённо вздохнул и застрочил на листочке диагноз. Я положил на стол трёшку и вышел.

– Ну? – встретила испуганная жена. – Ты чего так долго?

Я развернул бумажку и прочитал диагноз. Даже мне без медицинского образования стало ясно – каюк. Срочно искать знакомого кладбищенского сторожа, чтоб забить место поближе к входу (фразу слямзил, но у кого не помню!). Жена заглянула в текст и радостно сообщила, что откинем копыта вместе от одного и того же, и что искать место на кладбище надо для двоих. Итого: шесть рублей или полтора кило сви-нины на рынке минус.

Ладно, я посмеялся над этим приключением, но по доро-

ге домой вспомнил одну историю. Когда я жил в Ленинграде и когда гораздо позже приезжал туда к бабушке на каникулы, неизменным пунктом плана моего визита было посещение наших друзей – семьи самой близкой маминой подруги тётки Гали. Она нянчилась со мной с самого раннего моего детства, считала своим племянником, я же – её своей родной тётушкой. Она была известным на весь город врачом-рентгенологом, работала в военно-медицинской академии, я же часто болел и меня отправляли не в больницу, а к ней лечиться.

Отец тётки Гали был удивительный человек. Бесконечно влюблённый в Ленинград, он знал его, кажется, как никто, особенно если учесть, что ходил с большим трудом и в основном сидел дома. Ноги он отморозил во время первой мировой войны, когда попал на фронт рядовым. Внешне он был очень похож на портрет Меншикова кисти Сурикова «Меньшиков в Берёзове». Настолько похож, что репродукция этой картины в рамочке висела у них в гостиной. Когда я был школьником, то мог часами слушать его рассказы о городе и не только. Помню, зашёл разговор о всяческих чудесах, экстрасенсах, гадалках и прочей идеалистической ерунде. И тут Николай Васильевич, так его звали, рассказал потрясающий случай из своей жизни. Будучи в армии он мучился зубами. Говорил, что боль иногда была просто невыносимой, и хотелось выдрать обе челюсти. И тут один солдат рассказал о чудесном целителе, который снимал зубную

боль наговором. Более того, можно было просто написать ему письмо, в котором рассказать о проблеме и попросить помочь. Николай Васильевич рассмеялся, не поверив, но когда наступил очередной приступ, что, кстати, случалось почти каждую ночь, тут же написал письмо. Утром узнал адрес целителя и послал. Вскоре пришёл ответ. В нём предлагалось прислать целителю смехотворную сумму то ли двадцать копеек, то ли тридцать и тогда боль уйдёт навсегда. Не колеблясь НВ денежку послал и с того момента про проблемы с зубами он забыл. Зубы крошились, вылетали, но никогда не болели. Ну, наверняка что-то вроде удалённого гипноза, подумал я тогда. Кстати о гипнозе. Позже там же у тёти Гали мы отмечали день её рождения. Как всегда собрались только самые близкие, в том числе мой питерский дядюшка, наш общий обожаемый друг Бухарец и удивительная личность – уникальный человек известный в Питере старенький психотерапевт Сергей Григорьевич Фаинберг. Обычно он приносил с собой ученическую тетрадку, в которой записывал различные истории из своей практики. К сожалению, никто из нас не сохранил эти очень смешные и, одновременно, поучительные написанные прекрасным литературным языком рассказы. Он их нам зачитывал, мы покатывались от смеха, а местами прятали набежавшую слезу. Особенно проникали в душу его рассказы о блокадном времени. Он отказался эвакуироваться и всю блокаду проработал в госпитале.

Я же запомнил один его забавный рассказ. Во время блокады в Ленинграде участились случаи грабежа. Понятно, что целью грабителей были хлебные карточки или что-нибудь ценное, что можно было на толкучке обменять на эти самые карточки. Обычно из-за угрозы нарваться на грабителей СГ в том случае, если задерживался на работе допоздна, ночевал в госпитале. Но в ту ночь рискнул двинуть домой. Погода была отвратительной, и он надеялся, что грабители также не решатся высунуть нос на улицу. Тем более, что госпиталь находился недалеко от его дома. Но не тут-то было. Не успел он пройти и сотню метров, как его остановил громила. СГ тут же заявил, что он врач и ничего ценного с собой нет. Тогда грабитель, угрожая пистолетом, заставил СГ снять его единственное и очень приличное пальто. СГ посмотрел в глаза неудачнику и сказал:

– Ладно, забирайте пальто, только с этого момента вы никогда не сможете исполнять свои мужские обязанности!

СГ прочитал эти слова, потом отвлёкся и пояснил, что в оригинале они звучали так, что он бы постеснялся повторить их в компании самых холодных из холодных сапожников.

Грабитель заржал и смылся. Другого пальто у СГ не было, а дело было ранней весной первого года блокады. Холодрыга была ещё та и СГ был вынужден ходить в старой кацавейке, которую где-то раздобыла то ли жена, то ли кто-то другой – точно не помню. Прошла неделя и в госпиталь к СГ заявился

милиционер.

– Скажите, – спросил он. – Вас, случайно, не грабили неделю тому назад.

– Случайно даже очень, – ответил СГ.

Милиционер попросил пройти с ним в отделение. Не успел СГ зайти в кабинет, как ему в ноги бросился давешний грабитель-неудачник.

– Доктор, Христа ради! Верните мне силу, не могу так жить! Руки на себя наложу, а Вам всё верну, и Ваше и всё, что только не пожелаете!

– Ладно, прощаю. Отныне с вами всё будет нормально.

Потом помолчал минутку и добавил:

– Ровно через пять дней.

Радостного грабителя увели, а милиционер, бывший свидетелем счастливого излечения поинтересовался у СГ, действительно он может вот так запросто лишить мужика силы и тут же вернуть.

– Хотите, попробую на вас?

– Чур меня, чур! – испуганно замахал руками милиционер.

Пальто вернули. Правда не его, но зато гораздо лучшее. Сидело оно на СГ как влитое!

Под впечатлением от этой истории зашла речь о гипнозе. Мой дядюшка, уверенно заявил, что его не загипнотизировать, если он этого не захочет.

– Вы уверены? – спросил Фаинберг.

– Абсолютно, – самонадеянно заявил дядюшка.

СГ посмотрел ему в глаза, потом сделал какое-то странное движение сначала левой, рукой, потом правой. Дядюшка сидел, как сидел, глаза не закрывал, на пол не падал.

– А теперь, – произнёс СГ тихим голосом, – снимите левый ботинок.

Дядюшка молча снял и предъявил изумлённым зрителям носок с дырищей на большом пальце. СГ опять сделал странные пассы, дядюшка моргнул и сказал:

– Ну, что, убедились? Вам меня не загипнотизировать!

Мы все неприлично заржали, и тут дядюшка увидел свою ступню и ботинок рядом. Ох, и досталось же его жене!

Я же тогда не утерпел и попросил Фаинберга повторить это со мной, при условии, что я буду сопротивляться. Тот внимательно посмотрел на меня и сказал, что нет нужды проверять. Что я отношусь к тому абсолютному меньшинству, кого почти невозможно загипнотизировать даже при моём желании. Кажется, что и жена моя также устойчива к гипнозу. Нам с ней вместе или по отдельности довелось попадать на различные мероприятия, где выступали экстрасенсы или гипнотизёры. Там всегда был обычный трюк – приглашались на сцену зрители, на которых умельцы демонстрировали свои способности. Что мы только не делали, чтоб попасть в число испытуемых – и заранее подходили к сцене и буквально сами туда лезли. Но нас будто не замечали. Ясный перец, кому охота позориться!

Так бы я и остался Фомой-неверующим, если бы не один удивительный случай. Это произошло именно с моей семьёй, поэтому за достоверность я полностью ручаюсь. Нашему сыну было года два. Рос он нормальным ребёнком, может только худоват и бледноват. Когда я вёл его к врачу, ему нравилось висеть у меня на руке, которую я засовывал в карман брюк. Ребёнок висел как тряпка и ещё дразнил проходящих мимо закатывая глаза и высовывая язык. Сердобольные женщины хватались за сердце и шептали вслед: «Ирод, дитя мучает! Небось, совсем не кормит, ясно, что не родной!». Сын слышал и ещё больше выпендривался. У врача стоило мне раздеть сына, как врач едва глянув, тут же с испугом: «Ой, оденьте!». Ну, худенький, ну бледненький, и что? Позже как-то раз мы втроём возвращались из леса. Сын стал ныть, что ножки устали. Тогда мы с женой взяли его за руки и за ноги, словно это были носилки и понесли. Походя мимо дома, что рядом с нашим, мы услышали истошный крик. Орала женщина с балкона пятого этажа:

– Отпустите ребёнка мучители! Щас милицию вызову.

Сын же высунул язык и закрыл глаза. Женщина скрылась в квартире и через несколько минут вылетела во двор, догнала нас, только открыла рот, как дитя внятно произнёс:

– Тётя! Отстаньте, мне нравится!

Всё было хорошо, но вдруг сын стал по ночам кричать. Причём не сразу, а этак через час-полтора после того как

прослушав очередную сказку крепко засыпал. Кричал он, стоя в кроватке с открытыми глазами, но у меня складывалась ощущение, что он спит. Успокоить его было непросто. Главное не пугать, а стараться как-то отвлечь и успокоить. Полчаса, не менее, уходило на это, и так было каждый день. Что мы только не делали, перебрали всех возможных врачей. Ничего не помогало. Но однажды кто-то, не помню точно, сказал, что эти штуки могут вылечить, точнее, заговорить, особые бабки. От отчаяния мы пытались найти такую в Минске, но не смогли. Подошло лето, и мы по обычаю отправили сына к тётце на Украину. Отвозил его я и на прощание рассказал бабушке о проблеме внука и о том, чтобы она попыталась найти такую «врачевательницу». Тёща, которая славилась особой самоотверженностью и исполнительностью, пообещала. И... выполнила. Но, то, что она рассказала, повергло нас с женой в изумление.

Итак. Тёща известная учительница не только в своём районе, но и в городе, вынуждена была действовать как партизанка. Поиск «целительницы» дело щекотливое, но тёща дама настырная и таки нашла бабку. Та попросила купить на рынке яйцо из-под домашней курицы и сварить его вкрутую. Утром бабка очистила яйцо, пошептала над ним, потом покатила им по голове сынишки, опять что-то прошептала

и сказала, что всё. Больше дитя орать по ночам не будет. Дитя же проникся важностью момента и молча перенёс процедуру. Бабка получила немалую оплату и слиняла. Вечером дитё орал как прежде, даже дольше, как показалось испуганной тётце. Утром она помчалась к бабке востребовать деньги или получить объяснение. Бабка сначала сильно удивилась – не может такого быть! Потом задумалась и:

– А дитяти крещёное?!

Тётца пожала плечами, дескать, конечно нет.

– Тогда что Вы хотите? Окрестите, я тогда повторю.

Что делать? Бабка ещё куда не шло, а вести ребёнка в церковь? Во-первых, там точно спросят, как родители к этому отнесутся? Нам, что заверенное нотариусом разрешение послать? Во-вторых, тётца как учительница в те времена могла иметь кучу неприятностей. Но выход нашёлся. Через третьи руки в дом заманили попа. Не объясняя истинной причины крещения, тётца попросила совершить обряд в домашних условиях. Поп согласился и окрестил мальчика. Правда, дитя пытался лягнуть попа, но когда он завершив процедуру угостил сына конфеткой, тот присмирел и даже сказал: «Спасибо, дедушка».

Тётца слетала за бабкой, та повторила процедуры. Вечером сын орал. Причём так, как никогда ранее, до самого утра. Бедная тётца едва рассвело, метнулась к многострадальной бабке.

– Что Вы с внуком сделали?!!! Он так не орал никогда.

Орёт, волосики встали дыбом и так до утра.

– Отлично, – неожиданно с радостью ответила бабка. – Это испуг выходил через волосы. Его год назад испугали, кажется, что-то с водой связано.

С этого дня сын ни разу не кричал, только иногда через час-полтора как уснёт, почмокает губами, покрутится, даже что-то пробормочет. А когда повзрослел, так и это прошло.

Мечта, чтоб её... или Рай – туда и обратно

Ж. Эффель. Сотворение мира

Пара слов в качестве преамбулы

Наверняка нет такого человека, который бы не мечтал. На худой конец хотя бы в детстве.

Эти мечты были в своё время просты и незатейливы – про Деда Мороза, Новый Год и подарки, про новые игрушки, про поход в цирк и прочее понятное каждому ребёнку. Сейчас, наверняка, всё заменяет новый смартфон или компьютер или планшет или ещё какая-нибудь хрень под названием гаджет... Я не помню, мечтал ли о чём-нибудь в несознательном возрасте. То бишь до школы. А вот в школе мечты были мелкие и очень приземлённые. Типа хорошо бы чтоб не вызвали на уроке, заболеть бы легко чтоб недельку—другую проваляться дома, чтоб первое сентября выпало на субботу, чтоб вдруг объявили эпидемию и каникулы увеличили на месяц... И, конечно, по первым влюблённостям мечты были очень даже предметные, но до момента полового созревания платонические, а после... ну, ясно какие. О том кем бы стать я впервые задумался после ознакомления с архивом у моей ленинградской тётушки. Прочитав про тридцать седьмой год, а впрочем и о том, что было, начиная с семнадцатого, я решил стать председателем КГБ, чтоб, значит, навести порядок в стране и наказать тех, кто по моему мнению был виновен во всех бедах. Однако, став чуть старше, я прошёл перековку у моего ленинградского дядюшки. В результате её стал

диссидентом первой степени, а именно идеологическим диверсантом. Что выразилось в неприятии не только КГБ как государственной структуры, но и самого государства. Более того, демократию я воспринимал как надругательство над народом и по своему мироощущению был скорее монархистом. Как следствие, мне хотелось быть помещиком средней руки. Честным, добрым, хозяйственным, типа тех, которых описывал Пушкин в «Барышне-крестьянке». Но с окончанием школы и поступлением в университет дурь вылетела из моей головы и я быстро забыл про все эти мечты. Буйная студенческая жизнь – простые понятные желания: чтоб мама поскорее слиняла в командировку и наша буйная компания могла собраться на моей квартире и славно отметить любой праздник, типа взятие Бастилии парижскими коммунарами или день святого Валентина по вьетнамскому календарю или ещё по подобному важному поводу, чтоб эта девица, наконец, дала, чтоб сессия кончилась и на свободу...

Формирование мечты

Куда поступать после окончания школы я не думал, а просто знал. Нельзя сказать, что это знание было результатом моей умственной деятельности. Конечно, с первых классов было ясно, что я не гуманитарий и люто ненавижу предметы, которые надо было учить наизусть. Типа стихи или даты съездов КПСС. Исключением был только иностранный, к счастью английский. Тут надо отметить некоторую странность – там, где надо было понять и запомнить закономерности или общие принципы, я чувствовал себя как рыба в воде. Поэтому всё, что можно было обозвать естественнонаучными предметами, мне нравилось и давалось легко. Т.е. физика, химия, математика. И ещё география, которую полюбил благодаря недолгому увлечению филателией. Вся остальная лишённая логики белиберда типа обществоведения, литературы, языка и частично истории в голове принципиально не задерживалась. Когда же наступило утро после выпускного вечера, мудрая мама сказала:

– Так. Во-первых, как я понимаю, ты намерен откосить от армии. Следовательно, в ВУЗе должна быть военная кафедра.

Я, ещё не понимая к чему это, на всякий случай кивнул головой. Действительно не мог представить себя в форме и в роли – ты начальник – я дурак и т.д.

– Во вторых. С твоим длинным языком ты быстро загремишь в солнечный Магадан или, в крайнем случае, поближе, в Коми. По этой причине ты должен в своей будущей жизни работать там, где язык твой непутёвый не вызовет скорой реакции начальства и компетентных органов. Желательно за колючей проволокой.

Мама знала, что говорила. Её отец, мой дед был арестован в конце тридцатых за дружбу с Пятаковым и то ли был расстрелян, то ли просто умер от истощения в концлагере под Котласом в начале сороковых. Надо признаться, что на язык я был, что скрывать, крайне не воздержен. Не то, чтобы просто поболтать, но пошутить, невзирая на окружение и место. А шутки зачастую, мягко говоря, не вписывались в кривую линию партии. Пока за малолетством на это мало кто обращал внимание, но мудрая мама директор НИИ и член райкома предвидела моё будущее достаточно ясно.

Гораздо позже во времена перестройки меня язык едва не довел меня до политической деятельности, что в условиях нашей республики могло кончиться или кладбищем или тюрьмой. Кипение политической жизни в конце 80-х нас в явном виде не затронуло. Но, наблюдая за рождением и смертью всевозможных партий, общественных организаций, комитетов и прочих структур, я давал волю своему буйному языку. Шутки эти в извращенном виде циркулировали среди друзей, приятелей и их многочисленных знакомых. К

моему изумлению через какое-то время они возвращались, превратившись, чёрт знает во что, в чуть ли не в политические лозунги. Как-то раз горячие головы из городской интеллигенции задумали новое объединение – Народный Фронт. Они пригласили меня на учредительное собрание одного из филиалов и попросили выступить с комментариями к их политической программе. Я забрался на трибуну и вместо рассмотрения программы стал, думая в шутку, рассуждать о том, что фронт – это не ново, что это означает войну, что линия фронта – это наши и враги рядом и иногда трудно разобраться где кто и перебежчиков немало... И предложил создать... Народный Тыл. Именно в тылу, трепался я, отработывая гонорар и праздничный ужин, куётся победа, там, в тылу готовится наступление и т.д. Дело кончилось тем, что отколовшаяся от фронтовиков часть пыталась таскать меня на подобные мероприятия, предлагая выдвинуться депутатом от этого Тыла, а затем и в президенты республики. Я отбивался, как мог, прятался, проклиная свой язык. Безутешные тыловики попытались переключиться с меня на жену. Но та была невоздержная на язык в смысле непечатности основных возражений, которые она приводила в качестве аргумента, и тыловики отстали несолено хлебавши. Потом за меня взялись другие партии. Они, как и фронтовики, приглашали на свои собрания, просили выступить и высказаться по поводу их программ, планов и деятельности. Поскольку за все почти семьдесят лет существования СССР заня-

тия политикой представляли собой участие в демонстрациях по праздникам, сон на политучебе и прочих подобных мероприятиях, то опыт новых партстроителей был нулевой. Конец восьмидесятых запомнился нарастающим дефицитом всего, и даже скромный фуршет по завершению собрания был нелишним. И сам я укреплял ослабший от выступления организм и, как опытный стололаз, приносил в клювике что-нибудь вкусненькое жене и сыну. Хотя оставаться серьёзным и не разозлить организаторов шутками по поводу их програтмотворчества удавалась с трудом. Сдерживался только мыслью о фуршете. Помню, одна партия пригласила меня на организационно-учредительное собрание. После обязательной части по выбору председателя, членов исполкома и прочих функционеров, их кратких и не только кратких выступлений слово было предоставлено мне. Я взгромоздился на трибуну, открыл папку с программой и прочитал про себя первую фразу:

– Руководить страной должен коллектив из ста ХОРОШИХ людей!

Я задумался, промолчал минуту и спросил у председателя, сколько времени мне даётся на выступление. Он ответил, что десять минут. Тогда я предложил на выбор: минуту или сколько получится, но не менее часа, так как программа большая и следует остановиться на каждом пункте. Председатель подумал, посоветовался с президиумом и предложил второй вариант. Трепался я около часа. Причём нема-

лую часть времени пришлось на обсуждения критериев, по которым они собирались выбрать эту бравую сотню. На фуршете один из партийцев спросил меня шёпотом, что я собирался сказать за минуту. Оглядев уже практически пустой стол, я также шёпотом ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.